

COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME
EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ

ДЕЛО İРЕК против.ТУРЦИЯ

(Заявка № 25760/94)

СУЖДЕНИЕ

СТРАСБУРГ

17 февраля 2004 г.

ФИНАЛ

17.05.2004

Это решение станет окончательным при обстоятельствах, изложенных в статье 44 § 2 Конвенции. Он может быть подвергнут редакционной правке.

В деле İpek v.Турция,

Европейский суд по правам человека (вторая секция), заседая в качестве палаты в составе

Мистер Ж.-П.Коста, президент,

Мистер Л.Лукаидес,

Мистер Р.Тюрмен,

Мистер К.Юнгвирт,

Мистер В.Буткевич,

Миссис В.Томассен,

Мистер М.Угрехелидзе, судьи,

и Мистер ТЛ РАНО, заместитель регистратора отдела,

Обсудив в частном порядке 14 мая 2002 г. и дальше 27 января 2004 г.,

Выносит следующее решение, которое было принято в последний упомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено по заявлению (№ 25760/94) против Републикаиз Турция подано в Европейскую комиссию по правам человека («Комиссия») в соответствии с бывшей статьей 25 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином Турции г-ном Абдуррезаком Ипекком («заявитель»), на 18 ноября 1994 г..

2. Заявителя, которому была предоставлена юридическая помощь, сначала представляли в Суде профессор Кевин Бойл и профессор Франсуаза Хэмпсон, адвокаты в Великобритании. На 13 марта 2000 г. они выступили в пользу мистера Уильяма Боуринга, также адвоката, практикующего в Великобритании. В тот же день заявитель назначил своими представителями г-на Филипа Лича, юриста Курдского правозащитного проекта («КПЧП»), неправительственной организации, базирующейся в Лондоне г-н Осман Байдемир, юрист, практикующий в Турции. Письмом от 11 июня 2002 г. заявитель сообщил Суду, что он назначил г-на Марка Мюллера, г-на Тима Отти, г-жу Джейн Гордон и г-на Филипа Лича, адвокатов, практикующих в Соединенном Королевстве, а также г-на Османа Байдемира, г-на Джихана Айдына и г-жи Рейхан Ялчиндаг, юристы, практикующие в Турции. На 16 августа 2002 г. Мистер Филип Лич встал. Его заменила г-жа Анке Сток из KHRP.

3. Правительство Турции («Правительство») не назначило представителя для целей разбирательства в Суде.

4. Заявитель жаловался на исчезновение двух его сыновей, Икрама и Сервета Ипек, которых, как утверждается, в последний раз видели трое

других лиц, взятых вместе с ними под стражу, а также на предполагаемое уничтожение его семейного дома и имущества силами безопасности в г. в ходе операции, проведенной в его селении Далезери за деревней Тюрели, недалеко от Лидже, 18 мая 1994 г. Заявитель ссылаясь на статьи 2, 3, 5, 13, 14 и 18 Конвенции и статью 1 Протокола № 1.

5. Заявление было направлено в суд 1 ноября 1998 г., когда вступил в силу Протокол № 11 к Конвенции (пункт 2 статьи 5 Протокола № 11). Это было передано в Первую секцию Суда (Правило 52 § 1 Регламента Суда). В этой Секции Палата, которая должна была рассматривать дело (статья 27 § 1 Конвенции), была сформирована в соответствии с правилом 26 § 1.

6. На 1 ноября 2001 г. Суд изменил состав своих секций (Правило 25 § 1). Это дело было передано во вновь составленную Вторую секцию (Правило 52 § 1).

7. По решению 14 мая 2002 г., Суд признал жалобу приемлемой.

8. Суд, принимая во внимание фактический спор между сторонами об обстоятельствах исчезновения двух сыновей заявителя и уничтожения его имущества, провел расследование в соответствии со статьей 38 § 1 (а) Конвенции. Суд назначил трех делегатов для сбора показаний свидетелей на слушаниях, проведенных в Анкаре между 18 и 20 ноября 2002 г..

9. Заявитель и Правительство представили свои замечания по существу (Правило 59 § 1). После консультации со сторонами Палата решила, что слушания по существу не требуется (Правило 59 § 3 в конце). Стороны письменно ответили на замечания друг друга.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

10. Заявитель родился в 1942 году и в настоящее время проживает в г. Диярбакыр, Турция. Во время событий, послуживших основанием для подачи его жалобы, заявитель проживал в селении Чайларбаши (Дахлезери на курдском языке), примыкающем к деревне Тюрели в районе Личе провинция из Диярбакыр. Жалоба касается предполагаемого тайного задержания и последующего исчезновения двух сыновей заявителя, Сервета и Икрама Ипека, в ходе операции, проведенной силами безопасности в его деревне 18 мая 1994 г.. Это также относится к предполагаемому уничтожению его семейного дома и имущества силами безопасности в ходе той же операции.

А. Факты

11. Стороны оспаривают факты, связанные с исчезновением двух сыновей заявителя и предполагаемым уничтожением его семейного дома и имущества.

12. Факты, представленные заявителем, изложены в Разделе 1 ниже. Факты, представленные Правительством, содержатся в Разделе 2.

13. Краткое изложение документов, представленных сторонами, можно найти в Части В. Свидетельские показания, полученные делегатами Суда на слушаниях, проведенных в Анкаре резюмируются в Части С.

1. Факты, представленные заявителем

14. На 17 мая 1994 г. заявитель и его сын Икрам Ипек пасли своих овец вдали от деревни из Тюреликогда к ним подошли солдаты и попросили удостоверение личности. После предъявления удостоверения солдаты продолжили свой путь. Другой сын заявительницы, Сервет Ипек, имел хорошие отношения с солдатами из Личе и даже иногда готовил для них чай.

15. На 18 мая 1994 г. примерно в 10 утра заявитель вместе со своим сыном Икрамом Ипеком гнал своих овец в свою деревню недалеко от села Тюрели, когда группа из примерно 100 солдат в военной форме ворвалась в деревню. Солдаты оставили свои машины за пределами деревни и вошли в нее пешком. Они были вооружены винтовками Г-3 и другим оружием. Над деревней кружил военный вертолет. С тех пор заявительница узнала, что солдаты были не из Личе, а из окрестностей Болу. Солдаты Личе ранее сказали заявителю опасаться солдат из Болу.

16. Солдаты приказали заявительнице и Икраму Ипеку собраться вместе с другими жителями деревни, то есть мужчинами, женщинами и мальчиками — девочкам было приказано оставаться в деревне — у местной школы, которая находится за пределами деревни. Дома в деревне не видны из школы. Одна группа солдат осталась у школы; другая группа пошла в деревню.

17. Заявитель увидел пламя, поднимающееся над деревней и его деревней, и женщины и дети начали плакать. Солдаты, которые были с ними, угрожали им, говоря: «Если вы начнете плакать, мы сожжем вас так же, как и ваши дома». После этого все жители деревни замолчали.

18. Дома заявителя и его брата были полностью уничтожены пожаром. После того как большая часть домов была разрушена, солдаты отпустили жителей деревни. Но они не освободили сыновей заявительницы Икрама Ипека и Сервета Ипека, а также Сейитхана,

Абдулкерима, Нури и Саита Йолура. Эти люди пошли с солдатами, чтобы донести оборудование последних до их машин.

19. Когда заявитель вернулся в деревню, он увидел, что дома горят. Молодые девушки рассказали ему и другим жителям деревни, что солдаты подбросили в дома белый порошок и подожгли их. Пожары распространились настолько далеко, что заявительница ничего не могла сделать.

20. Поскольку несколько домов не загорелись, заявитель и другие жители села думали, что смогут укрыться в них.

21. Примерно в 15:30, те же солдаты снова совершили налет на деревню. Они спросили, почему некоторые дома не сожжены. Когда заявительница и другие жители села ответили: «Мы их не тушили, вы не могли их правильно зажечь», солдаты сказали: «Мы их сейчас сожжем», и сожгли оставшиеся дома. Впоследствии заявительница узнала, что в тот день также были сожжены деревни Тюрели и Макму Кирами.

22. Затем жена заявителя Фатма спросила солдат на курдском языке о том, что случилось с ее сыновьями Икрамом Ипеком и Серветом Ипеком. Солдаты не могли понять курдский и спросили, что она сказала. Когда заявительница объяснила, что спрашивает о своих сыновьях, военнослужащие ответили, что они в Личе и скоро будут освобождены.

23. После этого второго поджога солдаты ждали в селе и только к вечеру ушли в сторону Лице.

24. Поскольку его собственный дом был сожжен, заявитель с женой Фатмой, сыном Хакимом и Севгол, женой его сына Икрама Ипека, переехали в эвакуированный два года назад дом в селении Календереси, также примыкающем к Деревня Турели. У них осталась только одежда, в которой они были одеты. Соседи дали им еще немного одежды. Они оставались там в крайней нищете около четырех месяцев. С тех пор заявитель переехал в г.Диярбакыр. Правительство не оказывало никакой помощи заявителю или его семье с тех пор, как был сожжен его дом.

25. Абдулкерим, Нури и Сайт Йолур, взятые под стражу вместе с Икрамом и Серветом Ипеком, были освобождены на следующий день. Сами они впоследствии не разговаривали с заявителем, но сообщили ему через третье лицо, что их удерживали вместе до тех пор, пока 22:00 первую ночь с завязанными глазами. В 22:00 они были разлучены с Икрамом и Серветом Ипеком, и больше никогда не видели двух братьев. Сейитан Йолур остался с Икрамом и Серветом Ипеком. С тех пор все трое пропали без вести.

26. Примерно через 15 дней после того, как Икрам и Сервет Ипек были взяты под стражу, и, ничего не зная об их местонахождении, заявитель отправился в Диярбакыр. С помощью родственника он

обратился в прокуратуру. Диярбакырский суд государственной безопасности (Диярбакыр Девлет Гювенлик Махкемеси, далее DGM) главный прокурор. Он также обращался в прокуратуру Личе и в управление жандармерии Личе. Заявитель не смог получить какую-либо информацию о своих сыновьях ни от одного из этих государственных органов.

27. Тем временем в письме от 15 сентября 1994 г. г-н Ибрагим Эрге, старший полковник начальника штаба в Анкаре, сообщил г-ну Шакиру Йолуру, что 18 мая 1994 г. силы безопасности не проводили никаких операций в деревне Чагларбаши в Тюрели. деревне, примыкающей к району Личе, и что его сын Сейитан Йолур не был задержан.

28. На 27 октября 1994 г. заявитель подал еще одно ходатайство главному прокурору DGM в г. Диярбакыр, попросив его расследовать, что случилось с его сыновьями. Заявителю не разрешили встретиться с прокурором, но находившийся там полицейский в штатском просмотрел протоколы и устно сказал заявителю, что рассматриваемых лиц там нет.

29. Другой сын заявительницы, Хаким Ипек, направил две или три петиции губернатору штата Чрезвычайная ситуация. Он получил два ответа, в которых отрицалось, что его братья когда-либо задерживались. Он был так зол, что порвал письма и выбросил их.

30. На 23 декабря 1999 г. заявитель обратился в управление жандармерии Кулпа по просьбе последнего. Его спросили, где его сыновья. Заявитель утверждал, что их забрало государство. Жандармы обвинили его во лжи, настаивали на том, что его сыновей на самом деле забрала РПК, кричали на него и спрашивали, почему он жалуется натурецкий Состояние. Под давлением заявитель был вынужден поставить отпечаток пальца на документах, подготовленных жандармами, содержание которых ему не было известно.

2. Факты, представленные Правительством

31. Никакой операции по обеспечению безопасности в селе Тюрели или в селе Дахлезери не проводилось. 18 мая 1994 г.. Ни сыновья заявительницы, ни другие лица не были взяты под стражу.

32. Заявитель подал жалобу главному прокурору DGM в г. Диярбакыр на 27 октября 1994 г., заявив, что его сыновья Сервет и Икрам Ипек были взяты под стражу, и попросив прокурора расследовать судьбу его сыновей. Главный прокурор поинтересовался у силовиков, были ли сыновья заявительницы взяты под стражу за правонарушение, подпадающее под юрисдикцию DGM. Силы безопасности сообщили прокурору, что это не так, и заявительница была проинформирована об этом исходе.

33. Заявитель не подавал заявлений о предполагаемом исчезновении своих сыновей в прокуратуру Личе или начальнику жандармерии

Лического района. Тем не менее, после направления жалобы правительству прокурором Личе было проведено ex officio расследование утверждений. Однако было невозможно найти заявителя по адресу, указанному заявителем в форме заявления, поданной в Комиссию. Кроме того, заявитель не был известен людям, проживающим по соседству. Его имя не было зарегистрировано в реестре главы (мухтара) района.

34. Правительство далее заявило, что в ходе расследования не было обнаружено никаких доказательств того, что предполагаемые преступления были совершены силами безопасности и что Административный совет района Личе (Lice İlçe İdare Kurulu) вынес решение не привлекать к ответственности сотрудников службы безопасности. сил. Было невозможно сообщить об этом решении заявителю, поскольку его адрес не был известен властям, и поэтому губернатор Личе распорядился опубликовать результаты расследования в газете.

35. Правительство, наконец, заявило, что заявитель был приглашен в Управление жандармерии Кулпа для дачи показаний в рамках административного расследования, в ходе которого командир жандармерии Кулпа был назначен следователем.

36. На 26 декабря 1999 г. Командир жандармерии допросил заявителя в связи с его утверждениями и заявлениями, которые он подал в различные органы, в том числе в некое «Европейское отделение по правам человека в Диярбакыре». Заявитель повторил свои утверждения о том, что двое его сыновей, Икрам и Сервет, вместе с братьями Йолур были увезены и что все дома в его деревне были сожжены солдатами. Заявитель также утверждал, что он не обращался в «Европейское отделение по правам человека в Диярбакыре». Он также не делал никаких заявлений последнему органу и не подписывал никаких документов в отношении своих утверждений.

В. Документы, представленные сторонами

37. Следующая информация содержится в документах, относящихся к расследованию, проведенному после направления жалобы правительству-ответчику 7 марта 1995 г..

1. Расследования, инициированные Диярбакыри виши прокуроры

38. 3 марта 1995 г. г-н Сефа Озмен, заместитель губернатора Диярбакыра, сообщил г-ну Хакиму Ипеку в ответ на утверждения, содержащиеся в его петиции от 23 января 1995 г., что силы безопасности не проводили никаких операций в районе в указанные даты. в своем ходатайстве указал, что его братья не числятся в списках

лиц, разыскиваемых силами безопасности, и что местонахождение его братьев властям неизвестно.

39. На 25 апреля 1995 г. в Диярбакыре главный прокурор поручил Диярбакырполиции вызвать заявителя в свой кабинет, чтобы взять у него показания. Адрес заявителя, указанный в этом письме, совпадает с адресом, указанным в заявлении, за исключением названия многоквартирного дома. Согласно заявлению, многоквартирный дом назывался «Вароль», а в прокурорском письме имя было записано как «Баро».

40. На 2 мая 1995 г. в Диярбакыре полиция сообщила прокурору, что на указанной им улице многоквартирных домов под названием Баро нет. Далее в этом письме говорилось, что заявитель не был известен людям, проживающим по соседству, и что его имя не было зарегистрировано в реестре главы (мухтара) района.

41. На 18 мая 1995 г. начальник отделения жандармерии Тепе, в ведении которого находилось село Тюрели, зафиксировал в рапорте, что Абдулреззак Ипек и его семья покинули село и направились в город Дёртйол недалеко от Хатая на работу.

42. 24 мая 1995 г. главный прокурор Диярбакыра направил копию письма, которое он получил из Управления международного права и международных отношений Министерства юстиции 20 апреля 1995 г., главному прокурору Личе и просил его расследовать утверждения заявителя о том, что его дом был сожжен, а его сыновей забрали силы безопасности.

43. На 7 июня 1995 г. Главный прокурор Личе направил письмо командиру жандармерии Личе и поручил последнему подтвердить, проводилась ли операция в селе Турали 18 мая 1995 г. и были ли задержаны Сервет и Икрам Ипек. Он также просил командира узнать адрес заявителя и вызвать заявителя к себе, т.е. в прокуратуру.

44. На 13 июня 1995 г. Прокурор Личе направил еще одно письмо в комендатуру жандармерии Личе и сообщил последней, что название деревни было неправильно записано как «Туралы», которое находилось в юрисдикции города Хани. Прокурор повторил свои требования в своем письме от 7 июня 1995 г. и попросил командира жандармерии найти заявителя в селе Тюрели.

45. На 20 июня 1995 г. Командир жандармерии Личе ответил на запросы прокурора. Командир заявил, что указанные лица никогда не задерживались его солдатами и что никаких операций в районе села Тюрели в то время не проводилось. Командир, наконец, заявил, что заявительница переехала в г. Дёртйол провинция из Хатая работать.

46. На 21 июня 1995 г. прокуратура Личе приняла решение о неподведомственности и направила дело в канцелярию губернатора Личе. Это действие было предпринято в соответствии с Законом о судебном преследовании государственных служащих (Мемурин

Мухакемати Кануну), согласно которому для расследования действий сотрудников сил безопасности необходимо запрашивать разрешение.

47. На 2 февраля 1996 г. командир жандармерии г. Диярбакыр, очевидно, в ответ на запрос администрации губернатора Личе назначил Тургута Алпы, подполковника жандармерии, для расследования утверждений заявителя.

2. Расследование, проведенное подполковником Альпы.

48. На 28 февраля 1996 г. вновь назначенный подполковник Алпы поручил командиру жандармерии Личе направить копии имен и адресов военнослужащих, которые работали в этом районе во время инцидента. Он также запросил копии всех оперативных отчетов, оперативных журналов, журналов хранения и любых других соответствующих документов.

49. Также на 28 февраля 1996 г. Подполковник Алпы дал указание Диярбакыр штаб полиции, чтобы взять заявление от некоего Абдурреззак Ипека в отношении утверждений о разрушении деревень и исчезновениях. Согласно этому письму, Абдурреззак Ипек родился в 1959 году и проживает в г. Диярбакыр.

50. Диярбакыр Главное управление полиции направило копию показаний, взятых у Абдулреззак Ипека 8 марта 1996 г. и копию его удостоверения личности подполковнику Алпы.

51. Абдулреззак Ипек в своем заявлении заявил, что он даже не знает, где находится деревня Тюрели, и что его детей солдаты не забирали. На самом деле у него не было детей с такими именами. Согласно копии его удостоверения личности, этот Абдулреззак Ипек родился 1 января 1959 г..

52. На 12 марта 1996 г. Командир жандармерии Личе ответил на просьбу подполковника Алпы и приложил копии двух страниц журналов задержания и копии двух страниц оперативных журналов, в которых фиксировалась повседневная деятельность жандармерии Личе. Командующий Личе далее заявил в своем письме, что его солдаты не проводили операцию в селе Тюрели на 18 мая 1994 г. и что Сервет и Икрам Ипек не были задержаны. В письме также говорится, что майор Шахап Ярала был командиром жандармерии Личе на 18 мая 1994 г. но с тех пор его отправили в другой город в центральной Анатолия. Сержант-майор Шюкрю Гюнлюкчу был командиром отделения жандармерии Тепе, в ведении которого находилась деревня Тюрели. С тех пор его отправили в город на западе страны.

53. Копии журналов содержания под стражей, которые были приложены к настоящему письму, были представлены в Суд. В них нет имен Икрама или Сервета Ипека. Копия журнала ежедневных

действий, хранящегося в отделении жандармерии Личе, не упоминает никаких операций, запланированных или проведенных в соответствующее время.

54. На 25 марта 1996 г. Подполковник Альпы завершил свой отчет о расследовании. Он пришел к выводу, что никакой операции силовики в селе Тюрели не проводили. 18 мая 1994 г. и что силовики в тот день даже не пошли в это село. Подполковник Альпы далее считал, что заявление Абдурреззак Ипека, в котором последний заявил, что он не из деревни Тюрели и что его дом никогда не был сожжен или что его детей не забирали, также доказывает, что никакой операции не проводилось. Он рекомендовал не давать разрешения на судебное преследование сотрудников сил безопасности, поскольку отсутствуют доказательства того, что предполагаемые события имели место. Этот отчет был направлен в администрацию губернатора Личе 1 апреля 1996 г..

3. Производство в Административном совете Личе и Диярбакыр Областной административный суд

55. На 16 мая 1996 г. Административный совет округа Личе под председательством губернатора Личе принял решение на основании информации, представленной подполковником Альпы, не давать разрешения на судебное преследование сотрудников сил безопасности. Это решение было обжаловано ex officio в соответствии с национальным законодательством.

56. На 18 октября 1996 г. в Диярбакыр Областной административный суд (г. Диярбакыр Бёльге Идаре Махкемеси), заседая в качестве апелляционного суда, отклонил апелляцию и оставил в силе решение об отказе в выдаче разрешения на привлечение к ответственности сотрудников силовых структур. Сообщить об этом решении Абдурреззаку Ипеку не представлялось возможным, поскольку властям не был известен его адрес. Таким образом, губернатор Личе приказал опубликовать это решение в газете.

57. Наконец, заявитель представил письмо от 21 января 2000 г. и подписано Шакиром Йолуром, отцом Сейитхана Йолура и дядей Саита и Нури Йолура, которые предположительно были увезены из села солдатами и задержаны вместе с сыновьями заявительницы.

58. Г-н Йолур, который также проживал в том же селе, что и заявитель, подтвердил версию событий заявителя и добавил, что Саит и Нури были освобождены, но его сын Сейитан не был освобожден. После инцидента он ничего не слышал о своем сыне Сейитане.

59. Г-н Йолур навел справки в различных военных учреждениях региона и отправил телеграмму начальнику штаба вооруженных сил Турции в Анкара (Генел Курмай Башканлыгы) с жалобой на исчезновения в ходе оспариваемых событий.

60. Начальник штаба в своем ответе заявил, что никакой операции не проводилось и указанные лица не задерживались.

С. Устные доказательства

61. Поскольку обстоятельства дела оспариваются сторонами, суд провел расследование с участием сторон. В этом отношении трое делегатов Суда дали устные показания в возрасте от 18 до 20 ноября 2002 г. от восьми свидетелей. Были вызваны еще три свидетеля, но они не явились по разным причинам. Показания свидетелей можно резюмировать следующим образом.

1. Кандидат

62. Свидетель сообщил делегатам, что он жил в деревне Дахлезери за деревней Тюрели в период с 1969 по май 1994 года, когда «правительство разрушило эту деревню». В хуторе проживало около двадцати семей. Все жители были так или иначе связаны между собой. Заявитель держал домашний скот и выращивал урожай для своего существования.

63. Заявительница утверждала, что в деревню были совершены два военных рейда 18 мая 1994 г.. Первый рейд начался около полдень, во время полдень молитва. Солдаты собрали всех жителей (около сотни) перед школой, включая детей. Деревенского мухтара, с которым у него были хорошие отношения, не было. Мужчин отделяли от женщин и детей. На допросе Делегатов заявитель заявил, что военнослужащие забрали документы, удостоверяющие личность жителей. Имена не назывались. Солдаты увели шесть человек, в том числе его сыновей Икрама и Сервета. Этих людей выбирали наугад («Ты, ты и ты») и заставляли нести солдатские рюкзаки. Солдаты вернули документы, удостоверяющие личность, другим жителям, а затем отпустили их. За это время заявительница могла видеть, что деревня была подожжена. Вернувшись в деревню, он обнаружил, что дома, в том числе и его собственный дом,

64. Жители начали спасать свое имущество и пожитки. Однако на 18:00, солдаты вернулись и приказали всем эвакуироваться из села. По словам заявителя, был отдан приказ стрелять в жителей, если они попытаются потушить пламя. Их заставили долго ходить. В это время он мог слышать сообщения по рациям солдат о прекращении операции. Им угрожали, что их убьют, если они снова попытаются потушить пожар. На допросе в судебном заседании заявитель подтвердил, что понимает по-турецки. Позже заявитель упомянул в своих показаниях, что в тот день были сожжены и другие деревни, в том числе и Тюрели.

65. Во время допроса заявитель подтвердил свое мнение о том, что рейды проводились военнотружущими. Он рассказал, что они были одеты в соответствующую одежду, вооружены винтовками Г-3 или Г-1 и во время рейдов использовали военную технику и вертолеты. Заявитель утверждал, что никогда не видел членов РПК в деревне. Хотя столкновения между РПК и силами безопасности могли иметь место за пределами этого района, в его районе никогда не было столкновений. Он утверждал, что в деревне не было членов РПК. На допросе заявитель заявил, что в деревню могли приходиться члены РПК, и их могли кормить, так как жители боялись их. По словам заявителя, в селе не было деревенской охраны, хотя власти предложили жителям создать систему деревенской охраны.

66. Заявитель также показал, что солдаты, проводившие рейды, были из Болу. Их сопровождали солдаты из Личе. Солдаты из Личе приезжали в этот район в прошлом для проведения проверок. Заявитель также утверждал, что его сыновья Икрам и Сервет никогда не арестовывались силами безопасности до операции по 18 мая 1994 г., и он не мог объяснить, почему их забрали. Его сын Икрам вернулся домой из Анкара два дня до военной операции, чтобы насладиться отдыхом. Другой его сын, Сервет, работал пастухом.

67. Что касается его собственных запросов о местонахождении его сыновей, заявитель утверждал, что он обращался к властям в Кулпе, Личе, Стамбули Анкара, а также Ассоциации прав человека в Диярбакыр. Он заявил, что после событий 18 мая 1994 г., он получил от солдата имя командира операции, майора Османа Думана. Ранее он никому не сообщал эту информацию.

2. Севгол Ипек

68. Свидетель был женат на Икраме Ипек в течение шести месяцев в соответствующее время. Она заявила, что ее муж только что вернулся в деревню из Анкара где он провел три месяца. Утром 18 мая 1994 г. ее зять Сервет Ипек сообщил семье, что деревня полна солдат. Всех насильно заставили собраться в школе за деревней. Тем временем дома были подожжены. Свидетель заявил, что обыск произошел в г. 11 утраи что сожжение произошло вполдень.

69. Когда жители вышли из школы, солдаты забрали их удостоверения личности. Шесть человек, в том числе ее муж Икрам и ее зять Сервет, были выбраны, по-видимому, из-за их молодости, и им было приказано отнести солдатское снаряжение к военным машинам.

70. Остальным жителям было разрешено вернуться в свои дома в 13:00 Однако, за исключением нескольких домов, сгорело все, включая их семейный дом и имущество. Солдаты снова вернулись в деревню около 18:00 с приказом убивать жителей. Дома, которые были сожжены лишь частично или где пламя было потушено, снова были

подожжены. Всех жителей увели из деревни. Свидетель заявила, что из радиопереговоров между солдатами она могла понять, что приказ об их убийстве был отменен. Они были освобождены в 7 вечера приказал не оставаться в деревне. Свидетельница уехала жить к своим родителям в г.Диярбакыр.

71. Свидетель не сомневался, что операцию проводили турецкие солдаты. Она не смогла оценить, сколько солдат было задействовано. Она показала, что в деревне не проживали члены РПК, и что она не помнит, чтобы члены РПК когда-либо приходили в деревню за помощью. На допросе делегатов свидетельница подтвердила, что ни у ее мужа, ни у ее зятя никогда не было проблем с властями. Свидетель заявила, что власти никогда не требовали от нее дачи показаний по поводу вышеуказанных событий.

3. *Хаким Ипек*

72. Свидетелем является сын заявителя и брат Икрама и Сервета Ипек. Он заявил, что расследуемые события произошли 18 мая 1994 г. Когда солдаты прибыли в деревню. По его оценке, в так называемой «генеральной операции» участвовало пять тысяч солдат. Солдаты подошли к деревне пешком от Паломнического холма, где они оставили свою военную технику. Они собрали жителей в местной школе, где отделили мужчин от женщин. У всех изъяли удостоверения личности. Солдаты выбрали шестерых жителей деревни, включая его братьев Икрама и Сервета Ипека, а также трех братьев Йолур, чтобы отнести их рюкзаки обратно к машинам. Свидетель подтвердил, что видел, как этих лиц пешком уводили к военным машинам и садили в машины. Солдаты вернули удостоверения личности оставшимся жителям деревни, которые вернулись в деревню только для того, чтобы обнаружить, что дома были подожжены. Свидетель заявил, что домашний скот и имущество его семьи были уничтожены. По словам свидетеля, эти события произошли в г.полдень.

73. Некоторые жители попытались потушить пламя. Однако солдаты вернулись около 4 или 17:00 с приказом убить их. Жителей села схватили и увезли. Однако по военному радио поступил приказ не стрелять по сельчанам. Им разрешили вернуться, но им угрожали смертью, если они попытаются потушить пожар.

74. На допросе делегатов свидетель заявил, что ни в деревне, ни в соседней деревне не проживали члены РПК, и если кто-то из членов придет, им будет отказано в помощи, поскольку жители опасаются репрессий со стороны властей. К тому же в хуторе не было охранников, хотя власти и предлагали организовать сельскую охрану. У свидетеля не было объяснений, почему деревня была разрушена, а его братья увезены. Однако он упомянул об инциденте в деревне Тюрели примерно в полчаса езды, в результате которого несколько

солдат были убиты. Свидетель сообщил делегатам, что все деревни в соседнем районе сожжены.

75. Свидетель заявил, что он и его отец (заявитель) предприняли множество письменных попыток узнать у властей о судьбе его пропавших братьев. Их постоянно информировали, что Икрам и Сервет не находятся под стражей. Свидетель заявил, что в гневе он разорвал и выбросил ответы, полученные им от губернатора области. Свидетель сообщил делегатам, что его отцу сообщил имя командующего операцией солдат, которого он встретил в районе Киран. Его отец записал имя.

4. Мехмет Нури Йолур

76. Свидетель заявил, что он родился в селении Далезери. Однако в начале 1994 года он проживал в г.Диярбакыр. В деревне было двадцать дворов, и все семьи были в каком-то родстве. Он знал и Икрама, и Сервета Ипека. Свидетель вернулся в село за два дня до начала военной операции. Он сообщил делегатам, что войска из Болу и других районов прибыли поблизости 17 мая 1994 г.и что в операции могли быть задействованы тысячи из них. На следующий день всех жителей деревни заставили собраться группой перед местной школой, а солдаты, пришедшие в деревню пешком, сожгли дома. На допросе делегатов свидетель заявил, что пять или шесть солдат охраняли жителей возле школы, и, по его оценкам, в операции в деревне участвовало от шестидесяти до семидесяти, а может быть, и сто солдат.

77. По словам свидетеля, школа, где все собрались, находилась в десяти метрах от села. Он видел, как в деревне полыхали костры. Солдаты забрали документы, удостоверяющие личность жителей деревни, и шестерых из них (его самого, Абдулкерима Йолура, Саита Йолура, Сейитана Йолура, Икрама Ипека и Сервета Ипека) попросили отнести солдатские рюкзаки к их автомобилям, припаркованным на улице холмистой местности вокруг села. На допросе свидетель заявил, что военных машин из школы не было видно. Свидетель сообщил делегатам, что солдаты говорили, что Сейитхан Йолур будет доставлен в Личе и призван в армию, поскольку он уклонился от военной службы. Свидетель подсчитал, что шестеро из них ушли вместе с солдатами.с 9 до 10 утраПо дороге к военным машинам он увидел с холма, что над деревней снова поднимается дым. Когда они добрались до места назначения, было уже далеко за полдень. Однако их не отпустили, а отвезли на военной машине с открытым верхом в Личе вместе с пятьюдесятью или шестьюдесятью солдатами. Он мог видеть дым, поднимающийся над деревнями по пути в Личе. Было темно, когда они прибыли туда. Их заставили выйти из машины и лечь лицом вниз. Свидетель заметил, что примерно в это время прибыло много

других людей. По его оценке, перед заведением лежало около ста пятидесяти человек. Их удостоверения личности были изъяты. Свидетель заявил, что он и двое других (его братья Саит и Абдулкерим Йолур) были доставлены в камеру предварительного заключения, где они провели ночь. За это время они ни разу не подвергались жестокому обращению. Утром им вернули документы, удостоверяющие личность, и сказали уходить. В последний раз он видел Икрама и Сервета Ипека, когда они лежали после того, как их вытащили из военной машины. Свидетель заявил, что, когда он вернулся в деревню, дома были сожжены.

78. У свидетеля не было объяснений, почему он и два его брата были освобождены, а братья Ипек и Сейитан Йолур остались под стражей. На допросе свидетель показал, что место, куда их всех доставили, было «большой военной базой в Личе».

79. Свидетель не сомневался, что люди, совершившие налет на деревню, были солдатами с G-3. Он никогда не слышал о какой-либо деятельности РПК в деревне или вокруг нее, и у него не было объяснений, почему деревня была сожжена; он никогда не слышал о майоре Османе Думане.

5. Абдулкерим Йолур

80. Свидетель заявил, что он из той же деревни, что и семья Ипек. Все семьи, жившие там, были родственными. Он вернулся в деревню на 17 мая 1994 г. из Айдына в гости. Пешие солдаты ворвались в деревню между 11 утра и полдень 18 мая 1994 г.. Он был уверен, что это солдаты, так как у них были G-3. Над местностью пролетел вертолет. Солдаты прибыли в деревню пешком. Всех жителей заставили собраться у школы на окраине деревни, мужчин с одной стороны, женщин с другой. Солдаты забрали у всех документы, удостоверяющие личность. Он видел, как горит деревня. Шесть из них (он сам, Мехмет Нури Йолур, Саит Йолур, Сейитан Йолур, Икрам Ипек и Сервет Ипек) были призваны нести солдатские сумки до деревни Тюрели. Военнослужащие сохранили документы, удостоверяющие личность, но вернули документы оставшимся лицам. Они отправились вокруг полдень с солдатами за горящее село Тюрели. Они достигли окраин вокруг 14:00. Вместо того, чтобы быть отпущенными, как было обещано, их заставили ждать прибытия военной техники из Личе, чтобы забрать солдат. Свидетель заявил, что село Тюрели в это время горело, хотя в село они не заходили и жителей села не видели. В шестером они сели в одну из машин и навстречу закату отправились в Лайс. По словам свидетеля, в грузовике находилось около ста солдат. Когда они прибыли в Личе, в «Полк», их уложили на землю и разделили на две группы по три человека. Свидетель не смог подтвердить, лежали ли на земле, кроме

шестерых, другие лица. В одну группу входили Икрам, Сервет Ипек и Сейитан Йолур. Свидетель заявил, что это был последний раз, когда он их видел. Их имена были зачитаны. Он и его братья, Мехмет Нури и Саит были доставлены внутрь «полка» и провели ночь в комнате, похожей на камеру, в качестве гостей солдат, поскольку к тому времени уже стемнело. К ним хорошо относились. В комнате находились еще два человека, которых они не знали. На допросе свидетель не смог дать точного описания здания, где он провел ночь. Он подтвердил, что дверь камеры заперта и охраняется. На следующее утро им вручили документы, удостоверяющие личность, ипустили. Он вернулся в деревню, где провел одну или две ночи, ночуя под открытым небом. На допросе свидетель заявил, что у него нет объяснений, почему Икрам, Сервет Ипек и Сейитан Йолур были задержаны. Он ничего не знал о какой-либо деятельности РПК в этом районе и никогда не слышал о майоре Дурмуше. были доставлены внутрь «полка» и провели ночь в кельеобразной комнате в качестве солдатских гостей, так как к тому времени уже стемнело. К ним хорошо относились. В комнате находились еще два человека, которых они не знали. На допросе свидетель не смог дать точного описания здания, где он провел ночь. Он подтвердил, что дверь камеры заперта и охраняется. На следующее утро им вручили документы, удостоверяющие личность, ипустили. Он вернулся в деревню, где провел одну или две ночи, ночуя под открытым небом. На допросе свидетель заявил, что у него нет объяснений, почему Икрам, Сервет Ипек и Сейитан Йолур были задержаны. Он ничего не знал о какой-либо деятельности РПК в этом районе и никогда не слышал о майоре Дурмуше. были доставлены внутрь «полка» и провели ночь в кельеобразной комнате в качестве солдатских гостей, так как к тому времени уже стемнело. К ним хорошо относились. В комнате находились еще два человека, которых они не знали. На допросе свидетель не смог дать точного описания здания, где он провел ночь. Он подтвердил, что дверь камеры заперта и охраняется. На следующее утро им вручили документы, удостоверяющие личность, ипустили. Он вернулся в деревню, где провел одну или две ночи, ночуя под открытым небом. На допросе свидетель заявил, что у него нет объяснений, почему Икрам, Сервет Ипек и Сейитан Йолур были задержаны. Он ничего не знал о какой-либо деятельности РПК в этом районе и никогда не слышал о майоре Дурмуше.

81. Свидетель заявил, что семнадцать или восемнадцать деревень могли быть сожжены на 18 мая 1994 г..

6. Тургут Альпы

82. Свидетель заявил, что служил в г.Диярбакыркогда он был назначен на 2 февраля 1996 г.для расследования жалоб заявителя. Он

не нашел в штаб-квартире жандармерии Личе никаких записей, указывающих на то, что Икрам и Сервет Ипек были взяты под стражу или что в отношении них проводилась операция. 18 мая 1994 г. жандармами или воинскими частями. Был допрошен командир в Лидже, и он подтвердил, что ни одно из этих лиц не было взято под стражу. Расследование было прекращено в связи с отсутствием документальных доказательств задержания братьев Ипек. По словам свидетеля, не было необходимости получать оперативные записи военных, учитывая, что в то время начальник жандармерии Лического округа отвечал за весь район. На вопрос о возможности того, что бригада Болу могла находиться в этом районе во время инцидента, свидетель заметил, что начальник жандармерии Личе должен был знать об этом. Свидетель подтвердил, что он установил через штаб-квартиру жандармерии Личе, что 18 мая 1994 г. или около того никаких операций не проводилось. свидетель заявил, что не считает необходимым выяснять у бригады Болу, имеются ли у нее записи об операциях, которые она проводила в 1994 году. Он повторил, что у командира окружной жандармерии была бы такая информация, поскольку он нес полную ответственность за район. Установлено, что никакой информации он не имел.

83. Свидетель сообщил делегатам, что он лично не посещал деревню Далезери или деревню Тюрели, так как знал, что все жители уехали. Он знал этот район, служил там и знал, что деревни были заброшены на каком-то этапе. Свидетель не смог подтвердить, действительно ли деревня Дахлезери или деревня Тюрели были уничтожены сожжением. На допросе по этому поводу свидетель заметил, что круг его полномочий распространяется и на утверждение о том, что хутор был сожжен. Главное управление жандармерии округа Личе сообщило ему, что по этому делу было проведено расследование, и было установлено, что деревня не была разрушена, как утверждалось. Свидетель признал, что в рапорте, направленном ему начальником штаба жандармерии Лического округа, упоминается только то, что никакой военной операции не проводилось. Свидетель также заявил, что никакие деревни в этом районе не были разрушены воинскими частями. С другой стороны, он лично был свидетелем поджога деревень РПК.

84. Свидетель заявил, что, за исключением имени и фамилии, у него не было личных идентификационных данных заявителя Абдурреззак Ипека на момент проведения расследования. Таким образом, когда кто-то с таким же именем был обнаружен и допрошен Диярбакырполиции, не было никаких оснований полагать, что допрашивали не того человека. Никаких попыток допросить других членов семьи заявительницы или жителей деревни не предпринималось, поскольку у них не было их адресов. Кроме того, в

то время в этом районе велась активная террористическая деятельность. Свидетель показал, что капитан Шахап Ярали не был допрошен, поскольку не удалось установить, что братья Ипек были взяты под стражу, и, кроме того, капитан Шахап Ярали был отправлен за пределы района к тому времени, когда он начал свое расследование.

7. Шахап Ярали

85. Свидетель подтвердил, что в 1994 году он был начальником жандармерии Лического района и что в его обязанности входило общее командование отделением жандармерии Тепе. В его обязанности входило село Тюрели. Он заявил, что никаких военных действий в районе, находящемся под его юрисдикцией, не проводилось. 18 мая 1994 г.. Если бы такая операция проводилась в этот день либо жандармами, либо войсками, либо совместно, то она была бы занесена в вахтенный журнал окружного штаба жандармерии. Свидетель подтвердил, что вооруженные силы, в том числе бригада командос Болу, должны были уведомить его командование о любой операции, которая должна была быть проведена, в том числе о 18 мая 1994 г.. Уведомление о планируемых боевых действиях стало установившейся практикой.

86. Свидетель заявил, что посещение деревни Далезери или деревни Тюрели в ходе расследования не принесло бы никакой пользы. Этот район был ареной интенсивной террористической деятельности, и жители деревни были вынуждены покинуть территорию РПК. Свидетель заметил, что должна существовать протокольная запись о допросе офицером бывших жителей деревни Далезери. Он подчеркнул, что силовики никогда не занимались поджогами села или насильственной эвакуацией жителей села.

87. На допросе свидетель повторил, что имена всех лиц, взятых под стражу, внесены в журнал учета задержанных. В реестре не было упоминаний о задержании братьев Ипек. Свидетель отметил, что никаких записей о лицах, находившихся в жандармерии под наблюдением, например, в целях простого следствия, не производилось.

88. Свидетель, когда его спросили, слышал ли он о майоре Османе Дурмуше, заявил, что во время его службы в этом районе был майор Осман. Он вспомнил, что майор Осман находился в этом районе в качестве советника одного из батальонов, который отвечал за наблюдение за местными выборами.

8. Шюкрю Гюнлюкчу

89. Свидетель был начальником отделения жандармерии Тепе с октября 1993 года по июль 1994 года. Он отвечал, в частности, за

обеспечение безопасности села Тюрели и его жителей. Однако он заявил, что ни разу не был ни в Тюрели, ни в Дахлезери во время службы в жандармерии Тепе. Он пояснил, что в соответствующее время они не могли добраться до отдаленных деревень, так как не имели в своем распоряжении автомобиля. Свидетель заметил, что солдаты под его командованием посещали деревню Тюрели для проведения следственных действий. Свидетель показал, что никакой военной операции не проводилось. 18 мая 1994 г. в регионе либо солдатами под его командованием, либо вооруженными силами, включая бригаду командос Болу. Если бы какая-либо такая операция была проведена силами, не находящимися под его командованием, он был бы проинформирован за двадцать четыре часа.

90. По словам свидетеля, в этом районе велась интенсивная террористическая деятельность, которая вынудила многих людей покинуть свои деревни и перебраться в более безопасные места, такие как Диярбакыр. Он тщетно пытался убедить жителей деревни не покидать свои деревни. Жители деревни сказали ему, что им надоели террористы, приходящие в их деревни и насильно отбирающие у них продовольствие или похищающие их сыновей. Свидетель отверг любые предположения о том, что власти могли приказать сельским жителям покинуть свои деревни или что они могли нести ответственность за иммиграцию из региона.

91. На вопрос о утверждениях о том, что деревня Далезери была разрушена и что двое сыновей заявителя были увезены солдатами, свидетель заявил, что он никогда не получал такой информации в течение срока службы. Если бы ему когда-либо сообщили о таком инциденте, он бы провел расследование утверждений и сообщил бы о ситуации в районное управление жандармерии, к которому был прикреплен его участок. Никаких заявлений о пропавших без вести ни Абдуррезак Ипек, ни какое-либо другое лицо никогда не подавали. Свидетель также показал, что он никогда не допрашивался турецкими властями в связи с утверждениями заявителя в Суде. Свидетель никогда не слышал о майоре Османе Думане, служившем в рассматриваемом районе. Однако,

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

А. Конституция

92. Статья 125 Конституции предусматривает:

«Все акты или решения администрации подлежат судебному обжалованию...

Администрация обязана возместить любой ущерб, причиненный ее собственными действиями и мерами».

93. Вышеупомянутое положение не подлежит никаким ограничениям даже в условиях чрезвычайного или военного положения. Последнее требование положения не обязательно требует доказывания наличия какой-либо вины со стороны администрации, ответственность которой носит абсолютный, объективный характер, основанный на понятии коллективной ответственности и именуемый теорией «социальной ответственности». риск». Таким образом, администрация может возместить ущерб людям, которые понесли ущерб в результате действий, совершенных неизвестными или террористическими лицами, когда можно сказать, что государство не выполнило своих обязанностей по поддержанию общественного порядка и безопасности или своих обязанностей по охране жизни и имущества отдельных лиц.

94. Принцип административной ответственности отражен в дополнительной статье 1 Закона №. 2935 из 25 октября 1983 г. о чрезвычайной ситуации, которая обеспечивает:

«... иски о возмещении ущерба в связи с осуществлением полномочий, предоставленных настоящим Законом, предъявляются к администрации в административные суды».

Б. Уголовная ответственность

95. Уголовный кодекс квалифицирует это как уголовное преступление

(а) незаконно лишить человека свободы (статья 179 в целом, статья 181 в отношении государственных служащих);

(b) подвергать лицо пыткам или жестокому обращению (статьи 243 и 245);

в) совершение неумышленного убийства (статьи 452 и 459), умышленного убийства (статья 448) или убийства (статья 450);

г) принуждение лица силой или угрозами к совершению или несовершению деяния (статья 188);

(е) высказывать угрозы (статья 191);

(д) произвести незаконный обыск в жилище физического лица (статьи 193 и 194);

ф) совершение поджога (статьи 369, 370, 371, 372) или в случае угрозы жизни человека поджога при отягчающих обстоятельствах (статья 382),

г) непреднамеренное совершение поджога по неосторожности, небрежности или неопытности (статья 383); или

(h) умышленное повреждение чужого имущества (статьи 526 и последующие).

96. По всем этим правонарушениям жалобы могут быть поданы в соответствии со статьями 151 и 153 Уголовно-процессуального кодекса в прокуратуру или в местные административные органы. Прокуратура и полиция обязаны расследовать сообщения о преступлениях, причем первая принимает решение о возбуждении уголовного дела в соответствии со статьей 148 Уголовно-процессуального кодекса. Заявитель может обжаловать постановление прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела.

97. Если подозреваемые в совершении оспариваемых деяний являются военнослужащими, они также могут быть привлечены к уголовной ответственности за причинение крупного ущерба, создание опасности для жизни или имущества, если они не выполняли приказы в соответствии со статьями 86 и 87 Военного кодекса. Разбирательство в этих обстоятельствах может быть возбуждено соответствующими лицами (невоенными) в компетентном органе в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом или перед вышестоящим начальником подозреваемых лиц (статьи 93 и 95 Закона № 353 о Конституции и процессуальных нормах). военных судов).

98. Если предполагаемый виновник преступления является представителем государства, разрешение на судебное преследование должно быть получено от местных административных советов (исполнительного комитета провинциального собрания). Обжалование решений местного совета осуществляется Высший административный суд; отказ в возбуждении уголовного дела подлежит автоматической апелляции такого рода.

С. Положения о компенсации

99. Любое противоправное действие государственных служащих, будь то преступление или правонарушение, причинившее материальный или моральный ущерб, может быть предметом иска о компенсации в обычных гражданских судах. В соответствии со статьей

41 Гражданского кодекса пострадавшее лицо может подать иск о возмещении ущерба против предполагаемого виновного, причинившего ущерб незаконным образом, будь то умышленно, по небрежности или неосторожности. Суды по гражданским делам в соответствии со статьей 46 Гражданского кодекса могут возместить материальный ущерб и моральный или моральный вред, присужденные в соответствии со статьей 47.

100. Иск против администрации может быть подан в административный суд, разбирательство в котором ведется в письменной форме.

101. Ущерб, причиненный террористическим насилием, может быть возмещен за счет средств Фонда помощи и социальной солидарности.

D. Чрезвычайное положение и влияние Декрета №. 285

102. Примерно с 1985 года на юго-востоке бушуют серьезные беспорядки. Турция между силами безопасности и членами РПК (Рабочей партии Курдистана). По данным правительства, это столкновение унесло жизни тысяч гражданских лиц и сотрудников сил безопасности.

103. Два основных указа, касающихся юго-восточных провинций Турция были приняты в соответствии с Законом о государстве Чрезвычайная ситуация (Закон № 2935 от 25 октября 1983 г.). Первый, Постановление №. 285 (10 июля 1987 г.), учредил региональное управление чрезвычайного положения в десяти из одиннадцати провинций юго-востока. Турция. В соответствии со статьей 4 (b) и (d) указа все частные и государственные силы безопасности и Командование общественного порядка жандармерии находятся в распоряжении губернатора области.

104. В случае предполагаемых террористических преступлений прокурор лишен юрисдикции в пользу отдельной системы прокуроров и судов государственной безопасности, созданных на всей территории Турция.

105. Прокурор также лишен юрисдикции в отношении правонарушений, инкриминируемых сотрудникам силовых структур в регионе чрезвычайного положения. Указ № 285, статья 4 § 1, предусматривает, что все силы безопасности под командованием губернатора области (см. пункт 41 выше) должны подчиняться в отношении действий, совершенных при исполнении своих обязанностей, Закону 1914 года о судебном преследовании государственные служащие. Таким образом, любой прокурор, получивший жалобу о преступных действиях сотрудника сил безопасности, должен отказаться от юрисдикции и передать дело в Административный совет. Эти советы состоят из государственных

служащих под председательством губернатора. Решение Совета об отказе в судебном преследовании подлежит автоматической апелляции в Высший административный суд. После принятия решения о возбуждении уголовного дела дело расследует прокурор.

106. Второй, Постановление №. № 430 (16 декабря 1990 г.) усилил полномочия губернатора области, например, по распоряжению о переводе из региона государственных должностных лиц и служащих, включая судей и прокуроров, и предусмотрел в статье 8:

«Уголовная, финансовая или юридическая ответственность не может быть привлечена к уголовной, финансовой или юридической ответственности на губернатора области или провинции в пределах области чрезвычайного положения в отношении их решений или действий, связанных с осуществлением полномочий, возложенных на них настоящим Указом, и с этой целью не должно быть подано никаких заявлений в какой-либо судебный орган. Это не ущемляет права отдельных лиц требовать от государства возмещения ущерба, причиненного им безосновательно».

ЗАКОН

I. ОЦЕНКА СУДОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ

A. Аргументы сторон

1. Кандидат

107. Заявитель утверждал, что представленные Суду письменные и устные доказательства доказывают, что деревня Далезери была сожжена, что двое его сыновей были увезены силами безопасности, что они умерли в заключении и что власти не провели адекватное расследование этих вопросов. Он просил Суд установить, что Правительство нарушило статьи 2, 3, 5, 13, 14, 18 Конвенции и статью 1 Протокола № 1.

2. Правительство

108. Правительство опровергло доводы заявителя и утверждало, что показания, данные на слушаниях по установлению фактов в Анкарапоказал, что утверждения заявителя были необоснованными и что не было нарушения какой-либо статьи Конвенции.

B. Общие принципы

109. Суд напоминает о своей недавней судебной практике, подтверждающей стандарт доказывания «вне разумных сомнений» при оценке доказательств (Орхан против Турции, № 25656/94, § 264, ECHR 2002; Тепе против Турции, № 27244/95, § 125,9 мая 2003 г.; и Йойлер против Турции, №. 26973/95, § 52,24 июля 2003 г.). Такое доказательство может следовать из сосуществования достаточно сильных, ясных и согласованных выводов или подобных непровергнутых презумпций факта. В этом контексте необходимо принимать во внимание поведение сторон при получении доказательств (Ирландия против Соединенного Королевства, решение от 18 января 1978 г., Серия А, т. 25, с. 65, § 161).

110. Суд учитывает вспомогательный характер своей роли и признает, что он должен проявлять осторожность, беря на себя роль

суда первой инстанции по фактам, если это не является неизбежным в силу обстоятельств конкретного дела. Тем не менее, в тех случаях, когда выдвигаются утверждения об исчезновении лиц после их задержания и уничтожения имущества представителями государства, Суд должен провести особенно тщательную проверку (см., с соответствующими изменениями, Орхан против Турции, упомянутое выше, § 265).), даже если определенные внутригосударственные разбирательства и расследования уже имели место.

С. Соображения Суда в соответствии со статьей 38 § 1 (а)

111. Статья 38 § 1 (а) Конвенции предусматривает:

«1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он

а) продолжить рассмотрение дела вместе с представителями сторон и, если потребуется, провести расследование, для эффективного проведения которого заинтересованные государства предоставят все необходимые возможности...»

112. Суд напоминает, что для эффективного функционирования системы подачи индивидуальных жалоб, созданной в соответствии с бывшей статьей 25 Конвенции (теперь замененной статьей 34), чрезвычайно важно, чтобы государства предоставили все необходимые возможности для надлежащего и эффективного рассмотрения жалоб. заявления (см. упомянутое выше решение по делу Orhan, § 266, и Tanrikulu против Турции [БП], № 23763/94, § 70, ECHR 1999-IV). Судебным разбирательствам по делам такого рода, когда отдельный заявитель обвиняет представителей государства в нарушении его прав в соответствии с Конвенцией, присуще то, что в некоторых случаях только государство-ответчик имеет доступ к информации, способной подтвердить или опровергнуть эти утверждения. Непредставление Правительством такой информации, находящейся в его распоряжении, без удовлетворительного объяснения может не только привести к выводам относительно обоснованности утверждений заявителя, но также может негативно отразиться на уровне соблюдения государством-ответчиком с его обязательствами в соответствии со статьей 38 § 1 (а) Конвенции (см. Тимурташ против Турции, № 23531/94, §§ 66 и 70, ECHR 2000-VI). То же самое относится к необеспечению государством присутствия свидетелей на слушании по установлению фактов, что препятствует установлению фактов по делу. но также может негативно отразиться на уровне соблюдения государством-ответчиком своих обязательств по статье 38 § 1 (а) Конвенции (см. Тимурташ против Турции, № 23531/94, §§ 66 и 70, ЕСПЧ 2000 г.). VI). То же самое относится к необеспечению государством присутствия свидетелей на слушании по установлению фактов, что препятствует установлению фактов по делу. но также

может негативно отразиться на уровне соблюдения государством-ответчиком своих обязательств по статье 38 § 1 (а) Конвенции (см. Тимурташ против Турции, № 23531/94, §§ 66 и 70, ЕСПЧ 2000 г.). VI). То же самое относится к необеспечению государством присутствия свидетелей на слушании по установлению фактов, что препятствует установлению фактов по делу.

113. В свете вышеизложенных принципов Суд рассмотрел действия Правительства по оказанию помощи Суду в его задаче по установлению фактов по данному делу.

114. В этой связи Суд отмечает, что дело заявителя в основном зависит от того, проводилась ли военная операция 18 мая 1994 г. или около этого периода в деревне Далезери, принимая во внимание тот факт, что судьба его жалоб в отношении его пропавших без вести сыновей и уничтожение его имущества зависит от установления этой предпосылки. Правительство категорически отрицает, что их солдаты и жандармы действовали поблизости от деревни в соответствующее время. Разумность этого утверждения должна быть проверена в свете заявлений, которые заявитель и его свидетели сделали представителям Суда. Таким образом, устные показания и, в частности, достоверность свидетельских показаний должны быть предметом самого тщательного изучения.

115. Суд, как и его делегаты, должен также внимательно учитывать тот факт, что лишь ограниченное число свидетелей дали показания. Кроме того, со стороны заявителя все свидетели либо были каким-либо образом связаны с заявителем, либо входили в одно и то же сплоченное и очень маленькое сообщество. Следует также отметить, что заявитель и его свидетели были простыми, неискушенными людьми, которые давали показания по вопросам, вызывающим большую личную озабоченность и боль, с сопутствующим риском того, что их интерпретация событий может быть окрашена эмоциями.

116. Более того, течение времени сказывается на способности свидетеля подробно и точно вспоминать события. В данном случае свидетелей, давших показания перед делегатами, попросили вспомнить инциденты, которые произошли много лет назад.

117. Суд также не может упустить из виду, что район, в котором в то время проживали заявитель и его свидетели, был частью более обширного региона, который был ареной ожесточенных боев между РПК и силами безопасности. Нельзя исключать, что многие жители этого региона, в том числе в том районе, где проживал заявитель, могли сочувствовать делу РПК и использовать возможности для дискредитации правительственных сил, выдвигая против них необоснованные обвинения.

118. Эти факторы необходимо иметь в виду при оценке того, какое значение следует придавать доказательствам, заслушанным

Делегатами. Следует также учитывать тот факт, что делегаты Суда заслушали лишь ограниченное число свидетелей. Жена заявителя Фатъма и Шакир Йолур, отец Сейитхана Йолура, считались важными свидетелями по делу заявителя. Однако они оба умерли, не успев предстать перед делегатами. Делегаты также были проинформированы перед слушанием о том, что Саит Йолур, который предположительно содержался под стражей вместе с сыновьями заявителя, не может давать показания из-за своего психического состояния.

119. Суд сожалеет, что двое свидетелей, вызванных для дачи показаний от имени Правительства, не явились. Делегаты были проинформированы в день, когда он должен был давать показания (20 ноября 2002 г.), что Мехмет Сонмез, мухтар села Тюрели во время предполагаемых инцидентов, передумал давать показания и решил вернуться домой. в Диярбакыр. Суд потребовал от правительства получить от Мехмета Сонмеза письменные показания под присягой, подтверждающие, что он в самую последнюю минуту отказался давать показания по собственной воле. В соответствии с этим запросом Правительство представило Суду судебный документ с записью показаний, которые свидетель дал судье Яшару Турану на слушании дела в январе 2003 г.. Заявление гласило следующее (перевод):

«СВИДЕТЕЛЬ МЕХМЕТ СОНМЕЗ, сын Абдуллы, 1952 года рождения, проживающий по адресу: кв. 500 домов, дом 23, улица № 24. Диярбакыр. Среди участников он знает Абдуррезака Ипека; его называют свидетелем. Свидетелю были зачитаны письма, приложенные к инструкции Главного управления международного права и внешних связей Министерства юстиции Турецкой Республики, о происшествии; он был приведен к присяге; его спросили:

СВИДЕТЕЛЬ В ЕГО ПОКАЗАНИИ: Он сказал: «Это правда, что я отказался давать показания на допросе свидетеля, который состоялся в Анкаре между 18 и 20 ноября 2002 г.. Причина, по которой я отказался давать показания, заключается в том, что расстояние между местом предполагаемого инцидента и местом моего проживания составляет около 8 км. Поэтому я не был свидетелем происшествия. Я ничего не знаю об инциденте. Несмотря на то, что я был мухтаром (мэром) рассматриваемого села, в день инцидента я не выходил из дома, так как там были острые столкновения между силами безопасности и террористами. Таким образом, я не выходил и не мог видеть происходящее. Речь шла о напряженных столкновениях. Я отказался давать показания, так как ничего не знал об инциденте».

120. Суд считает, что одностороннее изменение взглядов этого свидетеля в Анкаре. Он должен был сообщить любые личные причины, по которым он мог не давать показаний на слушании, непосредственно Делегатам. Делегаты должны были решить, были ли у свидетеля уважительные причины для отказа от дачи показаний, и если да, то определить, совместимы ли договоренности с состязательным характером судебного разбирательства. Анкараслушания, могли быть сделаны для того, чтобы учесть его особые пожелания. В данном

случае Суду было представлено заявление, подробности которого не подвергались перекрестному допросу. В данных обстоятельствах он будет принимать во внимание содержание этого заявления только в той мере, в какой оно согласуется или противоречит другим доказательствам, представленным Делегатам.

121. Однако Суд не считает уместным делать какие-либо неблагоприятные выводы против властей Российской Федерации в связи с неявкой их свидетелей. В этой связи он отмечает, что, хотя от свидетеля ожидалось, что он будет давать показания по вопросам, которые предположительно имели место, когда он выполнял официальные функции, на момент слушания он уже не был представителем государства.

122. Большее беспокойство у Суда вызывает неявка генерала Явуза Эртюрка. Делегаты ясно дали понять в переписке с Правительством, что они считают, что генерал Явуз Эртюрк был соответствующим и важным свидетелем, который мог помочь им в установлении уровня военной активности, если таковая была, в и вокруг деревни заявителя в день в вопрос. Делегатам было известно о том, что в других заявлениях против Турции, вытекающих из более или менее одновременных инцидентов в районе деревни заявителя, и Суд, и бывшая Комиссия из всех сил старались установить характер военных операций, проводившихся проведенных, порядок подчинения и расположение центров операций по отношению к месту предполагаемых инцидентов.

123. Делегатам также был известен тот факт, что генерал Явуз Эртюрк в предыдущем деле давал показания Делегатам Комиссии о проведении крупной военной операции в районе Кулп-Личе-Муш в октябре 1993 г. (Акдениз и другие против Турции, № 23954/94,31 мая 2002 г.). Кроме того, Комиссия с целью сбора доказательств по вышеупомянутому делу Орхана специально просила Правительство установить и обеспечить явку к своим представителям командующего военными операциями в регионе, которые предположительно проводились полком Болу. Несмотря на напоминания Комиссии, только на второй день заслушивания свидетелей по делу правительство указало, что «ответственным офицером, проводившим операцию в этом районе, является генерал Явуз Эртюрк». Правительство добавило во время устного слушания в Суде в мае 2001 года, что генерал Явуз Эртюрк был командиром полка Болу и что он не был вызван к делегатам, поскольку он уже давал показания делегатам в вышеупомянутом деле Акдениз. и другие дела, и не располагал дополнительной информацией.

124. Как и в деле Орхана, Суд считает, что показания генерала Явуза Эртюрка также имели бы ключевое значение для установления позиции правительства по фактам этого дела. Однако власти

Российской Федерации не представили удовлетворительного объяснения его неявке, ограничившись заявлением в письме Суду от 4 ноября 2002 г. о том, что «...наши власти не считают необходимым, чтобы генерал Явуз Эртюрк присутствовал на слушаниях». ... по той причине, что в предполагаемой деревне в предполагаемые даты не проводилась военная операция, поэтому генерал Эртюрк не имеет никакой информации о предполагаемых инцидентах. В связи с этим ясно, что показания генерала Эртюрка не имеют никакой юридической силы в настоящем заявлении. Более того, Генерал Эртюрк был заслушан по делу Акдениз и других, касающемуся района, за который он отвечал». В ответном письме от 13 ноября 2002 г. Секретариат проинформировал Правительство о том, что Президент хотел обратить их внимание на статью 38 § 1 (а) Конвенции, в частности на обязательство соответствующего Договаривающегося государства предоставлять все необходимые условия для эффективное проведение расследования, проводимого Судом. Президент также напомнил правительству, что в постановлении по делу Орхана было отмечено, что вопрос о том, имеет ли отношение свидетель к его оценке фактов и в какой степени, относится к компетенции Суда. Секретариат проинформировал Правительство о том, что Председатель хотел обратить их внимание на статью 38 § 1 (а) Конвенции, в частности на обязательство соответствующего Договаривающегося государства предоставить все необходимые условия для эффективного проведения расследования, проводимого Судом. . Президент также напомнил правительству, что в постановлении по делу Орхана было отмечено, что вопрос о том, имеет ли отношение свидетель к его оценке фактов и в какой степени, относится к компетенции Суда. Секретариат проинформировал Правительство о том, что Председатель хотел обратить их внимание на статью 38 § 1 (а) Конвенции, в частности на обязательство соответствующего Договаривающегося государства предоставить все необходимые условия для эффективного проведения расследования, проводимого Судом. . Президент также напомнил правительству, что в постановлении по делу Орхана было отмечено, что вопрос о том, имеет ли отношение свидетель к его оценке фактов и в какой степени, относится к компетенции Суда.

125. Следует отметить, что события, которые легли в основу данного заявления, произошли в районе Личе в мае 1994 года. При даче показаний по делу «Акдениз и другие» генерала Эртюрка попросили рассказать об инцидентах, которые имели место в то время (октябрь 1993 г.) и место (село Аладжа), отличное от предполагаемой операции в настоящем деле. На этом фоне Суд хотел бы повторить в максимально ясной форме, что именно Суд должен решать, имеет ли отношение свидетель к его оценке фактов и в какой степени.

126. Соответственно, Суд считает, что он может сделать выводы из поведения Правительства в отношении неявки генерала Эртюрка.

127. При этих обстоятельствах и ссылаясь на важность сотрудничества государства-ответчика в разбирательстве по Конвенции и учитывая трудности, неизбежно возникающие при сборе доказательств такого рода (см. упомянутое выше дело Орхана, § 70), Суд находит что Правительство не выполнило своих обязательств в соответствии со статьей 38 § 1 (а) Конвенции по предоставлению всех необходимых возможностей Суду в его задаче по установлению фактов.

Д. Оценка Судом фактов в настоящем деле

1. Что касается проведения военной операции на 18 мая 1994 г. в деревне Далезери

128. Что касается оценки доказательств и с учетом вышеизложенных соображений, то можно заметить, что в показаниях, данных заявителем и его свидетелями, в отношении того, что произошло на 18 мая 1994 г. в деревне Далезери. Все они утверждали, в целом в соответствии с изложением заявителем фактов, изложенных в его первоначальной форме жалобы и в заявлениях, которые он сделал национальным властям (см. пункты 26-30 выше), что две военные операции были проведены на этой территории. день, один утром и один днем.

129. Верно то, что заявитель предоставил делегатам более подробный отчет о событиях, чем это было в его заявлениях властям (см. параграфы 62-67 выше). Однако следует отметить, что слушание дела делегатов было фактически первым случаем, когда заявитель был должным образом рассмотрен в отношении фактической основы его жалоб. Хотя заявитель опроверг свое первоначальное заявление делегатам о том, что члены РПК никогда не приезжали в деревню, Суд считает, что это не подрывает общего доверия к заявителю как свидетелю. Понятно, что заявитель испытал большое эмоциональное напряжение из-за того, что ему пришлось вернуться к событиям в интересах установления делегатами фактов. Однако,

130. Следует отметить, что заявитель придавал большое значение получению имени командующего операцией. Тем не менее, Суд считает, что этому утверждению не следует придавать никакого значения, принимая во внимание тот факт, что источник информации не мог быть идентифицирован и подвергнут сомнению Делегатами и что заявитель никогда не доводил его до сведения властей при подаче петиции. им информацию о местонахождении его сыновей.

131. Мехмет Нури Йолур сослался в своих показаниях на присутствие военных в деревне 17 мая, заявив при этом, что облавы на жителей, сожжение имущества и похищение шести жителей имели место 18 мая. В своих показаниях делегатам Хаким Ипек и Абдулкерим Йолур убедительно и убедительно описали события и были уверены в том, что 18 мая в селении произошла военная операция. Прибытие солдат в деревню 18 мая также подтверждается показаниями Севгола Ипека. Устные показания последнего подтверждали основную направленность собственных показаний заявителя о том, каким образом была произведена облава на жителей и каким образом шесть жителей были выделены и уведены из основной группы.

132. Суд считает, что Севгол Ипек был правдивым свидетелем, который давал показания со спокойным достоинством и имел относительно неповрежденные воспоминания о событиях рассматриваемого дня. Как и заявитель, Севгол Ипек также понесла большие личные потери. Однако Суд считает, что этот факт не умаляет достоверности ее показаний, и нет никаких оснований предполагать, что ее показания были мотивированы только желанием дискредитировать силы безопасности по политическим мотивам.

133. Хотя во время допроса заявителю и его свидетелям было заявлено, что облавы на село и поджоги имущества жителей могли быть делом рук РПК, Суд не видит оснований сомневаться в правдивости утверждений свидетелей о том, что были задействованы солдаты. Заявитель был убежден, что солдаты проводили обе операции в деревне, утверждая в своих показаниях, что причастные к этому лица были одеты как солдаты и их поддерживала военная техника. Показания Севгол Ипек, которая неоднократно ссылалась в своих показаниях на турецких солдат в деревне, и показания остальных свидетелей со стороны заявителя оставляли мало места для сомнений в том, что операция была официальной.

134. Делегаты, как и Правительство, стремились проверить свидетелей на возможную ответственность РПК за уничтожение имущества заявителя и других жителей и похищение шести жителей. Однако, хотя нельзя исключать, что члены РПК, возможно, искали пищу и убежище в деревне в прошлом — и заявитель, по-видимому, подтвердил это в ходе перекрестного допроса представителя правительства на слушании — нет никаких оснований в доказательствах того, что РПК стояла за событиями 18 мая 1994 года в деревне. Для Суда любое предположение о том, что уничтожение имущества, похищение и последующее исчезновение двух сыновей заявительницы были актами возмездия за отказ деревни помочь РПК, может быть отвергнуто.

135. Нельзя упускать из виду, что некоторые из свидетелей заявителя по-разному оценивали количество солдат, участвовавших в операции. Хаким Ипек упомянул цифру в пять тысяч человек. Мехмет Нури Йолур сказал делегатам, что в операции могли быть задействованы тысячи человек, но впоследствии заявил, что в операции в деревне могло принять участие до сотни человек. Sevgöl İpek не смог указать количество участников. Суд отмечает в этой связи, что необходимо сделать допуск на тот факт, что свидетели происходили из простой и неискушенной среды и, возможно, им было неудобно давать количественные оценки или, добавлял он, когда их просили оценить расстояния (см. Selçuk и Аскер против Турции, постановление от 24 апреля 1998 г., Reports of Judgements and Decisions 1998-II, стр. 899, § 26).

136. Тем не менее, Суд не может исключить возможность того, что эти кажущиеся преувеличенными цифры связаны с более широкой военной операцией, проводившейся на всей территории, а не с оценкой количества солдат, участвовавших в операции в деревне. Примечательно в этой связи, что Мехмет Нури Йолур ссылаясь в своих показаниях на то, что видел дым, поднимающийся над деревнями, когда его везли в Личе на военной машине с открытым верхом. Хаким Ипек и заявитель также сообщили делегатам, что соседние деревни были сожжены. Суд находит существенным тот факт, что заявитель и Абдулкерим Йолур оба конкретно упомянули о воздушных вертолетах в этом районе в то время.

137. Для Суда эти отчеты согласуются с военной операцией, по крайней мере мелкомасштабной, которая была сосредоточена в деревне в рамках более крупной операции, проводившейся в окрестностях.

138. Суд отмечает, что свидетели правительства категорически отрицали, что какая-либо военная операция проводилась в деревне или поблизости от нее. Они основывались на своих собственных воспоминаниях о размещении их в этом районе в то время и отсутствии каких-либо зарегистрированных упоминаний о военной операции, проводившейся примерно 18 мая 1994 года. Суд не находит показаний Шахапа Ярали и Шюкрю Гюнлюкчу. убедительны и ни в коем случае не достаточны для опровержения прямых показаний заявителя и его свидетелей. Шахап Ярали и Шюкрю Гюнлюкчу занимали оборонительную позицию в своих ответах на вопросы, заданные им делегатами, отказываясь поддержать любое предположение о том, что силы безопасности будут участвовать в поджоге деревень. В свете фактов, выявленных в других делах против Турции включая утверждения о разрушении деревни (см. Bilgin против Турции, № 23819/94, § 64, 16 ноября 2000 г.; Дулаш против Турции, нет. 25801/94, § 13, 30 января 2001 г.; Yöyler, упомянутое

выше, § 61), Суд должен с осторожностью относиться к заявлениям этих свидетелей.

139. Тургута Алпы не было в этом районе во время предполагаемой операции. Ему было поручено провести постфактум расследование жалоб заявителя на исчезновение его сыновей и уничтожение его имущества. Суд отмечает, что для целей расследования он удовлетворился тем, что ссылаясь на отсутствие каких-либо задокументированных записей о проведении военной операции и на утверждение командующего жандармерией округа Личе о том, что никакой операции не проводилось. Суд считает неудовлетворительным тот факт, что Тургут Алпы не счел необходимым получить записи, хранящиеся у военных, а скорее полагался на предположение о том, что он был бы проинформирован начальником жандармерии Лического округа, если бы на участке велась какая-либо военная деятельность. день под вопросом.

140. Следует отметить, что Суд уже имел возможность сделать вывод о том, что записи или журналы, свидетельствующие о том, что в определенное время не проводилось никаких военных операций, не обязательно следует принимать за чистую монету (см. Чичек против Турции, № 25704/94, решение от 27 февраля 2001 г., § 128, упомянутое выше постановление Орхана, § 269).

141. Суд также находит важным, что Мехмет Сонмез, мухтар деревни Тюрели, в своих письменных показаниях под присягой упомянул о столкновении, которое произошло 18 мая 1994 г. с участием сил безопасности и РПК. Заявления свидетелей правительства о том, что в тот день не проводилось никакой военной операции, не согласуются с заявлением Мехмета Сенмеза.

142. Суд повторяет, что вызывает большое сожаление тот факт, что генерал Эртюрк не явился для дачи показаний. И заявитель, и Мехмет Нури Йолур ссылались в своих показаниях на присутствие солдат бригады Болу в деревне. Вопрос о возможной причастности членов бригады Болу неоднократно поднимался делегатами перед свидетелями правительства. Таким образом, вопрос был актуальным и существенным, и генерал Эртюрк должен был присутствовать перед делегатами, чтобы прояснить оперативную роль бригады Болу. Суд напоминает в этой связи, что Правительство признало во время публичных слушаний по делу Орхана, что генерал Эртюрк в то время был командиром бригады Болу.

2. Что касается уничтожения имущества заявителя

143. Суд удовлетворен доказательствами, которые он оценил, что существуют веские фактические основания для утверждения заявителя о том, что военная операция проводилась в деревне на 18 мая 1994 г.. Заявитель и его свидетели последовательно показали, что деревня

была подожжена, когда жителей удерживали в школе, и что солдаты вернулись позже в тот же день, чтобы помешать им потушить пожар. Время, указанное для второго рейда, поразительно стабильно. Хаким Ипек упомянул о возвращении солдат около 4 или 17:00 Заявитель и Севгол Ипек считали, что они вернулись 18:00 Мехмет Нури Йолур и Абдулкерим Йолур не дали показаний относительно времени второго рейда, так как их увезли после утренней операции. С другой стороны, Мехмет Нури Йолур и Абдулкерим Йолур ясно заявили в своих показаниях, что дома в деревне были сожжены, когда они в конце концов вернулись в деревню.

144. Для Суда также имеет значение тот факт, что заявитель, Севгол Ипек и Хаким Ипек смогли подтвердить, что жителей на каком-то этапе уводили солдаты с приказом убить их, и что эти приказы впоследствии были отменены. Он считает, что если бы свидетели хотели солгать об уничтожении своего имущества, им не было бы необходимости фабриковать это продолжение. Можно сделать вывод, что доказательства в этом отношении подтверждают честность жалоб заявителя. Кроме того, он отмечает, что показания заявителя о том, что он слышал приказы, отдаваемые по рациям солдат, были проверены в ходе перекрестного допроса.

145. Суд считает, что свидетели Правительства не опровергли утверждение заявителя о том, что имущество заявителя не было уничтожено солдатами. Он отмечает, во-первых, что он установил, что военная операция проводилась в деревне на 18 мая 1994 г.. Во-вторых, национальные власти никогда не проводили какого-либо значимого расследования жалобы заявителя. По собственному признанию Тургута Алпы, он никогда не посещал деревню, полагаясь, скорее, на свое убеждение, что деревни и деревни в этом районе были необитаемы и что было бы бессмысленно ехать в деревню заявителя. Следует также отметить, что все три свидетеля, заслушанные делегатами, были убеждены в том, что ущерб, причиненный имуществу в деревне, вероятно, был делом рук РПК. Хотя террористическая деятельность в этом районе несомненно имела место, правительство не представило никаких доказательств того, что РПК напала на деревню 18 мая 1994 г. и сжег его.

3. Что касается задержания и последующего исчезновения сыновей заявительницы

146. Суд находит, что версия заявителя о событиях, приведших к тому, что солдаты забрали его сыновей из школы, подтверждается показаниями Севгола Ипека и Хакима Ипека. Мехмет Нури Йолур и Абдулкерим Йолур также подтвердили версию заявителя об облаве жителей, разделении мужчин и женщин на две группы за пределами школы, передаче удостоверений личности по требованию солдат и

удалении шести членов группы. Суд не придает никакого значения заявлению Мехмета Нури Йолура Делегатам о том, что он отправился с солдатами вокруг 9 до 10 утра. Это явная неточность. Для Суда важно, что заявитель и его свидетели никогда не сообщали о применении насилия со стороны сил безопасности для выселения двух сыновей заявителя и других четырех жителей. Все они заявили, что шесть человек были выбраны наугад и им было приказано помочь солдатам донести их снаряжение до грузовиков.

147. Мехмет Нури Йолур и Абдулкерим Йолур были двумя из тех, кого увели, и они дали прямые показания относительно последовательности событий после этого. Суд находит показания этих свидетелей последовательными. Оба свидетеля рассказали, что их доставили в Личе на военной машине вместе с двумя сыновьями заявительницы, а также Саитом и Сейитаном Йолурами. Мехмет Нури Йолур и Абдулкерим Йолур также последовательно говорили о том, что их разлучили с двумя сыновьями заявительницы и Сейитаном Йолуром по прибытии в Личе. Примечательно, что оба свидетеля поделились одним и тем же воспоминанием о том, что их заставили лечь после выхода из военной машины, и что это был последний раз, когда они видели двух сыновей заявительницы и Сейитхана Йолура. Для суда, достоверность показаний этих двух свидетелей подкрепляется их недвусмысленными заявлениями о том, что во время содержания под стражей в Личе с ними обращались хорошо. Они не пытались выдвигать какие-либо обвинения против сил безопасности.

148. Суд находит отчет, данный Мехметом Нури Йолуром и Абдулкеримом Йолуром делегатам, правдивым. В ходе перекрестного допроса их проверяли на предмет их воспоминаний о том, как их забрали из школы, о поездке в Личе и о том, что произошло по прибытии туда. Они оставались непоколебимыми в своих заявлениях. Оба свидетеля не смогли подробно описать характер заведения, в котором они провели ночь перед освобождением. Однако из их показаний ясно, что они находились под контролем и охраной солдат. Хотя Абдулкерим Йолур говорил о том, что он был «гостями» солдат, Суд находит знаменательным тот факт, что на вопрос делегатов, имеет ли он право покинуть учреждение, он ответил, что он и его братья Мехмет Нури и Саит содержались в камера, которую охраняли солдаты. Суд далее отмечает, что Мехмет Нури Йолур во время допроса Делегатов заявил, что это учреждение было военным штабом в Личе. Абдулкерим Йолур рассказал, что его забрали внутрь «полка».

149. Суд еще раз принял во внимание показания, данные свидетелями со стороны правительства, чтобы опровергнуть показания заявителя и его свидетелей. Он находит, что он полностью основывается на утверждении об отсутствии записей о задержании сыновей заявительницы. Однако следует отметить, что отсутствие

имен двух сыновей заявительницы в протоколах содержания под стражей не может рассматриваться как убедительное доказательство того, что они не содержались под стражей. В этой связи он отмечает, что в предыдущих делах он зафиксировал недостатки, главным образом связанные с «неудовлетворительным и произвольным разграничением», проводимым жандармами между задержанием, о котором делается запись в протоколах задержания, и задержанием за наблюдение и/или допрос, и в этом случае не обязательно будет запись в протоколе содержания под стражей (Çakıcı v. Turkey [GC], no. 23657/94, § 105, ECHR 1999-IV, и упомянутое выше дело Чичека, §§ 137-138, и упомянутое выше дело Орхана, § 313). Эта практика была подтверждена показаниями Шахапа Ярали по настоящему делу.

Э. Установление фактов Судом и заключение

150. С учетом документальных доказательств, представленных ему сторонами (см. пункты 37-60 выше), и показаний свидетелей, заслушанных представителями Суда (см. пункты 61-91), фактические выводы Суда могут быть резюмированы следующим образом.

151. Утром 18 мая 1994 г., военная колонна прибыла в холмистую местность в районе селения Далезери. Вооруженные солдаты, возможно, члены бригады Болу, оставили свои автомобили и пешком спустились в деревню. Заявителю и другим жителям было приказано покинуть свои дома, и они были собраны под охраной в школе на окраине деревни. Мужчин отделяли от женщин и детей. Солдаты забрали удостоверения личности взрослых мужчин, в том числе у заявителя и его сыновей Икрама и Сервета Ипека.

152. За это время солдаты, оставшиеся в деревне, подожгли дома в деревне. Большинство домов были сожжены или сильно разрушены. Жители, собравшиеся в школе, знали о том, что происходит в деревне, они могли видеть дым и пламя, поднимающиеся над деревней. На данном этапе им не позволили вернуться в дома.

153. В какой-то момент передполдень, солдаты отобрали шестерых жителей, собравшихся у школы. Все они были молодыми людьми: Икрам и Сервет Ипек и Сейитан, Мехмет Нури, Саит и Абдулкерим Йолур. Эти шестеро якобы были выбраны наугад, чтобы помочь солдатам донести их рюкзаки и, возможно, другое снаряжение обратно к месту встречи в холмистой местности за деревней. Были даны заверения, что шестеро смогут вернуться, когда задание будет выполнено. Документы, удостоверяющие личность, солдаты вернули жителям, а взятые у отобранных шестерых сохранили. Шестеро отправились вдаль в компании солдат.

154. Жители вернулись в деревню и обнаружили, что их дома разрушены. Дом заявителя, имущество и домашний скот были

уничтожены. Некоторые жители приступили к спасению своих вещей и тушению пожара. В какой-то момент во второй половине дня 18 мая 1994 г., солдаты вернулись в деревню и угрожали жителям расправой, если они будут тушить пожары. Солдаты сожгли все оставшиеся дома. Солдаты вывели жителей из хутора. В какой-то момент был отдан приказ отпустить жителей.

155. Эта операция не была единичной. В этот период та же участь постигла и другие деревни и деревни: солдаты, опять же, возможно, из бригады Болу, при поддержке военных вертолетов и транспортных средств прочесывали местность.

156. Второй военный налет на деревню произошел, когда два сына заявительницы Икрам и Сервет направлялись в деревню Тюрели. Когда они прибыли, возможно, ближе к вечеру, они ждали на окраине села с солдатами до прибытия военной машины с открытым верхом. Затем их отвезли в военное учреждение в Личе. Когда они приехали, было темно. Мехмет Нури Йолур, Саит Йолур и Абдулкерим Йолур были отделены от Сейитхана Йолура, Икрама и Сервета Ипека. Всех шестерых заставили лечь. У Суда нет оснований сомневаться в точности заявления Мехмета Нури Йолура о том, что другие гражданские лица также прибыли в это время к военным учреждениям на военных машинах, и им было приказано лечь.

157. Мехмет Нури Йолур, Саит Йолур и Абдулкерим Йолур были задержаны на ночь в военном учреждении. На следующее утро их отпустили целыми и невредимыми, и им вернули удостоверения личности.

158. Можно предположить, что случилось с двумя сыновьями заявительницы и Сейитаном Йолуром после того, как они были разлучены с Мехметом Нури Йолуром, Саитом Йолуром и Абдулкеримом Йолуром по прибытии в военную часть. Также трудно предположить, почему эти трое не были освобождены.

159. На основании вышеуказанных выводов Суд приступит к рассмотрению жалобы заявителя на нарушение различных статей Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

160. Заявитель утверждал, что двое его сыновей были увезены силами безопасности и что следует предположить, что они теперь мертвы при обстоятельствах, за которые несут ответственность власти. Он жаловался, что не было проведено никакого значимого расследования исчезновения и последующей смерти его сыновей. Он сослался на статью 2 Конвенции, которая гласит:

«1. Право каждого на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во время исполнения приговора суда по осуждению за преступление, за которое это наказание предусмотрено законом.

2. Лишение жизни не считается нанесенным в нарушение настоящей статьи, если оно является результатом применения силы, которая является не более чем абсолютно необходимой:

(а) в защиту любого лица от незаконного насилия;

(б) для осуществления законного ареста или предотвращения побега лица, задержанного на законных основаниях;

(с) в действиях, предпринятых на законных основаниях с целью подавления бунта или восстания».

А. Доводы сторон

1. Заявитель

161. Заявитель утверждал, что показания, данные свидетелями, в частности братьями Йолур, подтвердили, что шестерых молодых людей, в том числе двух его сыновей, увели, чтобы помочь донести солдатские рюкзаки до машин, и что они содержались в непризнанное задержание силовиков. Со ссылкой на более ранние выводы бывшей Комиссии и Суда по делам Чакыджи против Турции (упоминалось выше, § 105) и Айдын против Турции (постановление от 25 сентября 1997 г., Reports 1997VI, стр. 1897, § 106; и заключение Комиссии от 7 марта 1996 г., стр. 1941, § 172) заявитель утверждал, что протоколы содержания под стражей, представленные Правительством, были неадекватными и ненадежными. Он также утверждал, что, учитывая отсутствие информации о местонахождении двух его сыновей в течение более девяти лет, они должны считаться мертвыми и что турецкое правительство должно нести ответственность за их смерть. Заявительница сослалась в этой связи на соображения Суда в решении по делу «Чичек против Турции» (упомянутое выше, § 147). В конце концов заявитель предложил Суду установить, что власти не провели надлежащего расследования обстоятельств смерти двух его сыновей, Икрама и Сервета Ипека.

2. Правительство

162. Правительство отрицало фактическую основу утверждений заявителя. Они утверждали, что все действия сил безопасности в регионе заносились в бортовой журнал жандармерии Личе. Копия соответствующей страницы бортового журнала, которая была

предоставлена Европейскому суду, ясно доказывает, что силы безопасности не проводили никаких операций в селе заявительницы 18 мая 1994 г. и что ни сыновья заявительницы, ни другие жители села не были взяты под стражу. Правительство утверждало, что расследование *ex officio*, проведенное властями по жалобам заявителя, было адекватным и эффективным.

В. Оценка Суда

1. Общие соображения

163. Статья 2, гарантирующая право на жизнь и определяющая обстоятельства, при которых лишение жизни может быть оправдано, считается одним из наиболее фундаментальных положений Конвенции, отступление от которого не допускается. Вместе со статьей 3 она также закрепляет одну из основных ценностей демократических обществ, входящих в состав Совета Европы. Поэтому обстоятельства, при которых лишение жизни может быть оправдано, должны быть строго истолкованы. Объект и цель Конвенции как инструмента защиты отдельных людей также требуют, чтобы статья 2 толковалась и применялась таким образом, чтобы сделать ее гарантии практичными и эффективными (*McCann and Others v. the United Kingdom*, решение от 27 сентября 1995 г.), Серия А № 324, §§ 146-147).

164. В свете важности защиты, предоставляемой статьей 2, Суд должен подвергнуть лишение жизни самому тщательному анализу, принимая во внимание не только действия представителей государства, но и все сопутствующие обстоятельства. Задержанные находятся в уязвимом положении, и власти обязаны их защищать. Следовательно, если лицо взято под стражу полицией в добром здравии и при освобождении у него обнаруживаются телесные повреждения, государство обязано предоставить правдоподобное объяснение того, как эти телесные повреждения были причинены (см., среди прочего, *Avşar*, упомянутое выше, § 391). Обязательство властей отчитываться за обращение с задержанным лицом становится особенно строгим, если это лицо умирает или исчезает после этого (см. *Orhan*, упомянутое выше, § 326).

165. В тех случаях, когда рассматриваемые события полностью или в значительной степени находятся в пределах исключительного ведома властей, как в случае с лицами, находящимися под их контролем, в заключении, возникают сильные презумпции факта в отношении телесных повреждений и смерти, имевших место во время этого задержания. Действительно, можно считать, что бремя доказывания возлагается на власти, которые должны предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение (*Салман против Турции* [БП], № 21986/93, § 100, ЕЧПР 2000-VII; *Çakıcı*, упомянутое выше, § 85; *Эртак против Турции*, № 20764/92, § 32, ЕСПЧ 2000-V, и *Тимурташ против Турции*, № 23531/94, § 82, ЕСПЧ 2000-VI, и *Орхан*, упомянутое выше, § 327).

2. Можно ли считать Икрама и Сервета Ипек мертвыми

166. Суд повторяет свои соображения в вышеупомянутом решении по делу Тимурташа, в котором он постановил (в §§ 82-83):

(...) Статья 5 налагает на государство обязанность сообщать о местонахождении любого лица, взятого под стражу и тем самым поставленного под контроль властей (...). Может ли неспособность властей предоставить правдоподобное объяснение судьбы задержанного в отсутствие тела также вызвать вопросы в соответствии со статьей 2 Конвенции, будет зависеть от всех обстоятельств дела и, в частности, о наличии достаточных косвенных доказательств, основанных на конкретных элементах, из которых можно заключить с соблюдением требуемого стандарта доказывания, что задержанный должен считаться умершим в заключении (...).

В этом отношении период времени, прошедший с момента помещения лица под стражу, хотя и не является решающим сам по себе, является существенным фактором, который следует принимать во внимание. Следует признать, что чем больше времени проходит без каких-либо известий о задержанном, тем больше вероятность того, что он умер. Таким образом, течение времени может в некоторой степени повлиять на вес, который следует придавать другим элементам косвенных доказательств, прежде чем можно будет сделать вывод о том, что данное лицо считается умершим. В этом отношении Суд считает, что эта ситуация порождает вопросы, которые выходят за рамки простого незаконного содержания под стражей в нарушение статьи 5. Такое толкование соответствует эффективной защите права на жизнь, предусмотренной статьей 2, которая считается одно из самых основных положений Конвенции (...).

167. Суд считает, что существует ряд элементов, отличающих настоящее дело от таких дел, как Курт против Турции (решение от 25 мая 1998 г., Reports 1998-III, § 108), в котором Суд постановил, что не было достаточных убедительных указаний на то, что сын заявительницы встретил свою смерть в заключении. Суд отмечает, что в вышеупомянутом деле Курта сына заявительницы Узеира Курта в последний раз видели окруженным солдатами и деревенскими охранниками в его собственной деревне. Однако в настоящем деле солдаты уводили двух сыновей заявительницы и четырех других жителей села (см. § 153 настоящего Постановления). Также было установлено, что в последний раз братьев Ипек видели в руках силовиков в неустановленном военном учреждении (см. пункт 156). Хотя Суд не может определить судьбу двух сыновей заявительницы, учитывая общий контекст ситуации на юго-востоке Турции в 1994 г., есть веские основания полагать, что их непризнанное задержание будет угрожать жизни (Орхан, упомянутое выше, § 330; Тимурташ, упомянутое выше, § 85 и Чичек, упомянутое выше, § 146). В этой связи он хотел бы напомнить, что в предыдущих решениях он указывал, что дефекты, подрывающие эффективность уголовно-правовой защиты на юго-востоке в соответствующий период, допускали или способствовали отсутствию ответственности

сотрудников сил безопасности за их действия (Джемиль Килич против Турции, № 22492/93, § 75, ЕСПЧ 2000 г., и Махмут Кая против Турции, № 22535/93, § 98, ЕСПЧ 2000 г.).

168. По вышеуказанным причинам и принимая во внимание отсутствие информации о местонахождении сыновей заявительницы в течение почти девяти с половиной лет, Суд считает, что Сервет и Икрам Ипек должны считаться умершими после их непризнанного задержания правоохранительными органами. силы безопасности. Следовательно, наступает ответственность государства-ответчика за их смерть. Отмечая, что власти не представили никаких объяснений того, что произошло после задержания братьев Ипек, и что они не ссылаются ни на какое оправдание в отношении любого применения смертоносной силы их агентами, отсюда следует, что ответственность за их смерть приписывается правительству-ответчику (Тимурташ, § 86, и Чичек, § 147, Орхан, § 331, постановления, упомянутые выше). Соответственно,

3. Предполагаемая неадекватность расследования

169. Суд напоминает, что обязательство защищать право на жизнь в соответствии со статьей 2 Конвенции, рассматриваемое в сочетании с общей обязанностью государства в соответствии со статьей 1 Конвенции «обеспечивать каждому, находящемуся под [его] юрисдикцией, права и свободы, определенные в [Конвенции]» также подразумевает, что должна быть некоторая форма эффективного официального расследования, когда люди были убиты в результате применения силы (см. упомянутое выше решение по делу *McCann and Others*, § 161, и решение по делу *Кауа* решение против Турции от 19 февраля 1998 г., Reports 1998-I, § 105). Основной целью такого расследования является обеспечение эффективного применения национальных законов, защищающих право на жизнь, а в тех случаях, когда речь идет о государственных агентах или органах, для обеспечения их ответственности за смерти, произошедшие под их ответственностью. Какая форма расследования будет способствовать достижению этих целей, может варьироваться в зависимости от различных обстоятельств. Однако, какой бы способ ни применялся, власти должны действовать по собственной инициативе, как только дело дошло до их сведения. Они не могут оставить на усмотрение ближайших родственников ни подачу официальной жалобы, ни ответственность за проведение каких-либо следственных действий (см., например, *mutatis mutandis*, *İlhan v.Турция*[ГК], нет. 22277/93, § 63, ЕСПЧ 2000-VII).

170. Для того чтобы расследование предполагаемого незаконного убийства, совершенного государственными служащими, было эффективным, в целом может считаться необходимым, чтобы лица,

ответственные за расследование и проводившие его, были независимы от лиц, причастных к этим событиям (решение *Güleç v. Turkey* от 27 июля 1998, Reports 1998-IV, §§ 81-82, и *Огур против Турции* [БП], № 21954/93, §§ 9192, ЕСПЧ 1999-III). Расследование также должно быть эффективным в том смысле, что оно может привести к установлению того, было ли применение силы в таких случаях оправданным в данных обстоятельствах (например, *Кауа*, упомянутое выше, § 87), и к выявление и наказание виновных (*Оғур*, упомянутое выше, § 88). Это обязательство не результата, а средства. Власти должны были принять доступные им разумные меры для обеспечения доказательств, касающихся инцидента, в том числе, среди прочего, свидетельских показаний (см., например, относительно свидетелей, *Tanrikulu*, упомянутое выше, § 109). Любой недостаток в расследовании, который подрывает его способность установить причину смерти или виновного, может привести к нарушению этого стандарта.

171. В этом контексте также подразумеваются требования оперативности и разумной оперативности (решение *Yaşa v. Turkey* от 2 сентября 1998 г., Reports 1998-IV, § 102-104; *Çakıcı*, упомянутое выше, §§ 80, 87, 106; *Tanrikul*, упомянутое выше, § 109, *Махмут Кая*, упомянутое выше, §§ 106-107). Следует признать, что могут существовать препятствия или трудности, препятствующие продвижению расследования в конкретной ситуации. Тем не менее незамедлительная реакция властей при расследовании применения силы со смертельным исходом или исчезновения в целом может рассматриваться как необходимая для поддержания общественного доверия к их поддержанию верховенства права и для предотвращения любых проявлений сговора или терпимости к незаконным действиям (см. в целом, *McKerr против Соединенного Королевства*, № 28883/95, §§ 108-115, ECHR 2001-III и *Avşar*, упомянутое выше, §§ 390-395).

172. Возвращаясь к конкретным обстоятельствам дела, Суд отмечает, что после задержания силами безопасности и последующего исчезновения *Икрама* и *Сервета* заявитель обратился в различные судебные и административные органы с ходатайством о местонахождении двух его сыновей (см. пункты 26–26 настоящего Постановления). 30). Однако, несмотря на серьезные и подробные утверждения заявителя, ответы властей ограничивались отрицанием того, что силы безопасности когда-либо проводили операцию в этом районе и что сыновья заявителя когда-либо были взяты под стражу (см. пункты 27 и 31).

173. Суд также отмечает, что после направления жалобы правительству-ответчику 27 февраля 1995 г., власти действительно начали расследование утверждений заявителя. Однако в проведении расследования имелись поразительные упущения и недостатки. В этой связи он отмечает, что органы прокуратуры не предпринимали

серьезных попыток допросить заявителя в связи с его жалобами (см. пункт 36 выше). Первая попытка была предпринята Диярбакыр главный прокурор, который дал полицейским из Диярбакыр полиции адрес заявителя, указанный в бланке заявления, и поручил им вызвать заявителя в его кабинет. Однако сотрудники не смогли найти заявителя, поскольку прокурор неправильно указал в своем письме название многоквартирного дома, в котором проживал заявитель (см. пункты 39 и 40). При очередной попытке 8 марта 1996 г., другое лицо с именем, похожим на имя заявителя, было допрошено подполковником Алпы. Однако это лицо было на семнадцать лет моложе заявителя и не имело детей. Суд находит неудовлетворительным тот факт, что на показания этого лица частично ссылался подполковник Тургут Алпы в своем решении о прекращении расследования (см. пункт 54 выше). Примечательно также, что губернатор Личе приказал опубликовать в газете решение 16 декабря 1996 г. прекратить расследование на том основании, что власти не смогли найти заявителя (см. пункт 34 выше). Однако это противоречит утверждению властей Российской Федерации о том, что они взяли показания заявителя 8 марта 1996 г., то есть двумя месяцами ранее. По мнению Суда, эти факты свидетельствуют об отсутствии должной осмотрительности и энергичности в данном расследовании. Наконец, на 26 декабря 1999 г. заявитель был вызван в отделение жандармерии Кулпа, и его показания были взяты в отношении его утверждений (см. пункт 36 выше). Однако никакого продолжения этого интервью не последовало.

174. Суд также укажет, что после решения прокурора Личе об отсутствии юрисдикции Административный совет района Личе провел расследование с целью установить роль сил безопасности в этом деле. Однако Суд уже установил в предыдущих делах против Турции, что этот орган не может считаться независимым, поскольку он состоит из государственных служащих, иерархически зависимых от губернатора, должностного лица, связанного с теми самыми расследуемыми силами безопасности (см., среди прочего, , Orhan, упомянутое выше, § 342, Güleç, упомянутое выше, §§ 77-82, и Oğur, упомянутое выше, §§ 855-93). Он считает, что при обстоятельствах настоящего дела назначение Советом подполковника Тургута Алпы, в качестве следователя неуместно, учитывая, что обвинения были направлены против силовых структур, в которых он состоял. В этом отношении готовность подполковника Алпы поверить в показания, представленные службами безопасности, подтверждает вышеуказанные выводы Суда (см. пункт 139 выше).

175. Кроме того, Суд отмечает, что органы прокуратуры не расширили расследование, используя версии, данные заявителем. Никаких попыток взять показания у сотрудников сил безопасности в

ходе следствия не предпринималось, хотя заявитель ясно дал понять властям, что его сыновей увели солдаты.

176. Непонятным образом не было предпринято никаких шагов для получения каких-либо показаний от очевидцев, таких как члены семьи заявителя и его односельчане, в частности, братья Йолур, несмотря на то, что заявитель довел до сведения властей, что Абдулкерим, Саит и Нури Йолур были увезены и содержались под стражей солдатами вместе с двумя его сыновьями (см. пункт 36 выше). Что еще более важно, власти не сочли необходимым посетить деревню с целью проверки утверждений заявителя и сбора доказательств (см. пункт 83). По мнению Суда, этого упущения достаточно, чтобы сделать вывод о серьезных недостатках расследования.

177. В свете вышеизложенного Суд считает, что расследования, проведенные по факту исчезновения двух сыновей заявительницы, были крайне неадекватными и недостаточными. Таким образом, он приходит к выводу, что также имело место нарушение статьи 2 Конвенции в ее процессуальном аспекте.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЗАЯВИТЕЛЯ

178. Заявитель жаловался, что исчезновение двух его сыновей представляло собой бесчеловечное обращение по отношению к нему самому. Он заявил о нарушении статьи 3 Конвенции, которая предусматривает:

«Никто не может быть подвергнут пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

179. Заявитель утверждал, что он испытывал сильные страдания и страдания в результате невозможности выяснить, что случилось с его сыновьями, и того, как власти реагировали и относились к нему в связи с его расследованиями.

180. Правительство отрицало фактическую основу утверждений заявителя по статье 3.

181. Суд повторяет, что вопрос о том, является ли член семьи «исчезнувшего лица» жертвой обращения, противоречащего статье 3, будет зависеть от наличия особых факторов, которые придают страданию заявителя измерение и характер, отличные от эмоционального стресса, который могут рассматриваться как неизбежно причиненные родственникам жертвы серьезного нарушения прав человека. Соответствующие элементы будут включать близость семейных уз — в этом контексте определенный вес будет придаваться связи родитель-ребенок — конкретные обстоятельства отношений, степень, в которой член семьи был свидетелем рассматриваемых

событий, участие члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем лице и о том, как власти реагировали на эти запросы (Orhan, § 358, Çakıcı, § 98, и Тимурташ, § 95 - все упомянуто выше). Далее Суд хотел бы подчеркнуть, что суть такого нарушения заключается не столько в самом факте «исчезновения» члена семьи, сколько в реакции и отношении властей к ситуации, когда она доводится до их сведения. Особенно в отношении последнего родственник может прямо заявить, что он стал жертвой действий властей (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу "Чакычи против Соединенного Королевства", § 98).

182. В настоящем деле Суд отмечает, что заявитель является отцом исчезнувших братьев Ипек. Заявитель был свидетелем оспариваемых событий и похищения его сыновей солдатами почти девять лет назад, и с тех пор он ничего о них не слышал (см. пункт 153). Кроме того, из представленных им документов следует, что заявитель нес бремя многочисленных бесполезных расспросов, чтобы выяснить, что случилось с двумя его сыновьями (см. пункты 26-29). Несмотря на его неустанные попытки выяснить судьбу своих сыновей, заявитель так и не получил правдоподобных объяснений или информации от властей относительно того, что стало с его сыновьями после их задержания солдатами. Наоборот, Реакция властей на серьезные опасения заявителя ограничивалась отрицанием того, что братья Ипек когда-либо задерживались силами безопасности (см. пункты 38 и 45). Следует отметить, что заявитель даже не был проинформирован о результатах расследования, проведенного в отношении его жалоб. Кроме того, Суд считает, что тревога заявителя о судьбе своих сыновей должна была усугубиться разрушением его семейного дома.

183. С учетом вышеизложенного Суд считает, что заявитель страдал и продолжает страдать от страданий и страданий в результате исчезновения двух его сыновей и невозможности выяснить, что с ними случилось. То, как власти рассматривали его жалобы, должно рассматриваться как бесчеловечное обращение, противоречащее статье 3.

Таким образом, Суд заключает, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявителя.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

184. Заявитель утверждал, что исчезновение его сыновей привело к многочисленным нарушениям статьи 5 Конвенции, которая предусматривает:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(а) законное задержание лица после вынесения обвинительного приговора компетентным судом;

(b) законный арест или задержание лица за невыполнение законного постановления суда или в целях обеспечения выполнения любого обязательства, установленного законом;

(с) законный арест или задержание лица, осуществляемые с целью доставить его к компетентному судебному органу по обоснованному подозрению в совершении преступления или когда разумно считать необходимым предотвратить его совершение преступления или бегство после совершения преступления ;

(d) задержание несовершеннолетнего в законном порядке с целью воспитательного надзора или его законное задержание с целью доставить его к компетентному судебному органу;

д) законное задержание лиц в целях предупреждения распространения инфекционных заболеваний, душевнобольных, алкоголиков или наркоманов или бродяг;

(f) законный арест или задержание лица с целью предотвращения его несанкционированного въезда в страну или лица, в отношении которого предпринимаются действия с целью депортации или экстрадиции.

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявленное ему обвинение.

3. Каждый арестованный или задержанный в соответствии с положениями пункта 1(с) настоящей статьи должен быть незамедлительно доставлен к судье или другому должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в разумный срок или на освобождение. в ожидании суда. Освобождение может быть обусловлено гарантиями явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или задержания, имеет право возбудить дело, в ходе которого суд безотлагательно решает законность его задержания и выносит постановление о его освобождении, если задержание незаконно.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или содержания под стражей в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию».

185. Заявитель утверждал, что это положение было нарушено в связи с незаконным задержанием его сыновей, неспособностью властей сообщить его сыновьям о причинах их задержания и не доставить их в судебный орган в разумный срок, а также их

неспособность возбудить дело для определения законности их задержания.

186. Правительство утверждало, что не было никаких оснований для вывода о том, что сыновья заявительницы были взяты под стражу, и, следовательно, невозможно было установить какое-либо нарушение статьи 5 Конвенции.

187. Суд подчеркивает фундаментальную важность гарантий, содержащихся в статье 5, для обеспечения прав людей в демократическом обществе на свободу от произвольного задержания властями. В этой связи он подчеркнул, что любое лишение свободы должно осуществляться не только в соответствии с материальными и процессуальными нормами национального законодательства, но и в равной степени соответствовать самой цели статьи 5, а именно защите лица от произвольного задержания. . Чтобы свести к минимуму риск произвольного задержания, статья 5 предоставляет свод основных прав, направленных на то, чтобы акт лишения свободы подлежал независимой судебной проверке, и обеспечивает ответственность властей за эту меру.

188. Суд уже установил, что двое сыновей заявительницы были задержаны и увезены силами безопасности 18 мая 1994 г. из деревни Далезери, и в последний раз их видели в руках этих сил в военном учреждении в Личе (см. § 156 настоящего Постановления). Их содержание под стражей не было зарегистрировано в соответствующих протоколах содержания под стражей, и нет никаких официальных данных об их последующем местонахождении или судьбе. По мнению Суда, этот факт сам по себе следует считать серьезнейшим недостатком, поскольку он позволяет виновным в совершении акта лишения свободы скрыть свою причастность к преступлению, замести следы и уйти от ответственности за судьбу задержанный. Кроме того, отсутствие в холдинге данных, фиксирующих такие вопросы, как дата, время и место задержания,

189. Кроме того, Суд считает, что власти должны были быть готовы к более тщательному и оперативному расследованию жалоб заявителя на то, что двое его сыновей были увезены при угрожающих жизни обстоятельствах и содержались под стражей силами безопасности. Однако его аргументация и выводы в отношении статьи 2 выше не оставляют сомнений в том, что власти не приняли эффективных мер для защиты братьев Ипек от риска исчезновения (см. пункт 177).

190. С учетом этих соображений Суд приходит к выводу, что власти не представили правдоподобного объяснения местонахождению и судьбе братьев Ипек после того, как их увезли из деревни Далезери, и что расследование их исчезновения не было ни оперативным, ни ни эффективным. Он считает, что это подтверждается в его заключении тем, что органы прокуратуры не взяли показаний у сотрудников сил

безопасности и очевидцев, а также их нежеланием пойти дальше утверждения военных властей о том, что протоколы содержания под стражей показали, что братья Ипек не был задержан и не содержался под стражей. Ненадежность и неточность протоколов содержания под стражей также должны учитываться в этой связи (см. параграфы 172, 175-176 и 149 соответственно).

191. Соответственно, Суд находит, что братья Ипек содержались под стражей в неустановленном порядке при полном отсутствии гарантий, содержащихся в статье 5, и что имело место нарушение права на свободу и личную неприкосновенность, гарантированного этим положением.

В. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 1 ПРОТОКОЛА №. 1 К КОНВЕНЦИИ

192. Заявитель утверждал, что уничтожение его семейного дома и имущества представляет собой серьезное нарушение его права на мирное пользование своим имуществом по смыслу статьи 1 Протокола № 1, которая предусматривает:

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на мирное пользование своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества, кроме как в общественных интересах и при соблюдении условий, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения, однако, никоим образом не нарушают права Государства применять такие законы, которые оно считает необходимыми для контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других взносов или штрафов.»

193. Правительство отрицало фактическую основу утверждений заявителя и утверждало, что дом заявителя, наряду с другими домами в деревне, был поврежден из-за отсутствия надлежащего ухода и суровых зимних условий в этом районе.

194. Суд повторяет свой вывод о том, что силы безопасности преднамеренно разрушили дом и имущество семьи заявителя, вынудив его семью покинуть свою деревню (см. пункты 152 и 154 выше). Нет сомнений в том, что эти действия представляли собой серьезное и неоправданное вмешательство в право заявителя на беспрепятственное пользование своим имуществом (см. приведенные выше постановления Акдивара и других, § 88; Ментеша и других, § 73, Сельчук и Аскер, § 86; Билгин, § 108; Дулаш, § 13; Йойлер, § 79).

195. Соответственно, Суд заключает, что имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 В СОЧЕТАНИИ СО СТАТЬЯМИ 2, 3, 5 КОНВЕНЦИИ И СТАТЬЕЙ 1 ПРОТОКОЛА №. 1 К КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЗАЯВИТЕЛЯ И БРАТЬЕВ ИПЕК

196. Заявитель утверждал, что непроведение властями эффективного расследования исчезновения его сыновей и уничтожения его имущества привело к нарушению статьи 13 Конвенции. Правительство оспорило это представление.

Статья 13 гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, изложенные в [Конвенции], нарушены, должен иметь эффективное средство правовой защиты перед национальным органом власти, несмотря на то, что нарушение было совершено лицами, действующими в официальном качестве».

A. Общие принципы

197. Суд напоминает, что статья 13 гарантирует наличие на национальном уровне средств правовой защиты для обеспечения соблюдения прав и свобод, предусмотренных Конвенцией, в любой форме, в которой они могут быть обеспечены в национальном правопорядке. Таким образом, действие статьи 13 требует предоставления внутренних средств правовой защиты для рассмотрения существа соответствующей жалобы в соответствии с Конвенцией и предоставления надлежащей судебной защиты, хотя Договаривающимся государствам предоставляется определенная свобода действий в отношении того, каким образом они выполняют свои обязательства по Конвенции. в соответствии с этим положением. Объем обязательства по статье 13 варьируется в зависимости от характера жалобы заявителя в соответствии с Конвенцией. Тем не менее, средство правовой защиты, требуемое статьей 13, должно быть «эффективным» как на практике, так и по закону.

198. Кроме того, если родственники лица имеют обоснованное заявление о том, что последнее исчезло от рук властей, понятие эффективного средства правовой защиты для целей статьи 13 влечет за собой, в дополнение к выплате компенсации, где это уместно, тщательное и эффективное расследование, способное привести к установлению и наказанию виновных и включая эффективный доступ родственников к следственному процессу (с соответствующими изменениями, вышеупомянутые решения по делу Аксоя, Айдына и Кая по § 98, § 103 и §§ 106 -107 соответственно). Далее Суд напоминает, что требования статьи 13 шире, чем обязательство Договаривающегося государства по статье 2 провести эффективное расследование

исчезновения лица, которое в последний раз видели в руках властей (Kılıç v. Turkey,

199. Вышеупомянутые соображения в равной степени применимы, когда лицо имеет обоснованное заявление о том, что его дом и имущество были преднамеренно уничтожены представителями государства (Орхан, упомянутое выше, § 385).

Б. оценка Суда

1. Что касается задержания и последующего исчезновения сыновей заявительницы

200. Суд установил, что сыновья заявительницы были увезены из их деревни и содержались под негласным заключением в военном учреждении в Личе силами безопасности, что властями не было представлено никаких записей об их задержании и что можно предположить, что они умер (см. пункты 167-168 выше). Он также установил, что страдания и мучения заявителя в связи с исчезновением его сыновей и то, как власти отреагировали на его жалобу, представляют собой бесчеловечное обращение (см. пункт 183). Таким образом, жалобы по статьям 2, 3 и 5 в этом отношении являются явно аргументированными для целей статьи 13 Конвенции (см. решение по делу Бойл и Райс против Соединенного Королевства от 27 апреля 1988 г., серия А, т. 131, § 52, вместе с вышеупомянутыми решениями Кауа и Уаза,

201. Таким образом, власти были обязаны провести эффективное расследование исчезновения братьев Ипек. Принимая во внимание свои выводы в соответствии со статьей 2 (см. пункт 177 выше), Суд заключает, что эффективного расследования жалобы заявителя в соответствии со статьей 13 не проводилось.

2. Что касается уничтожения имущества заявителя

202. Суд повторяет свой вывод о том, что уничтожение семейного дома и имущества заявителей в Далезери было нарушением статьи 1 Протокола № 1 (см. пункт 195). Таким образом, жалобы заявителя в этом отношении также являются «спорными» для целей статьи 13 (см. Бойл и Райс, § 52; Дулаш, § 67; и Йойлер, § 89).

203. Суд ранее постановил, что применение уголовного законодательства в отношении незаконных действий, предположительно совершенных с участием сил безопасности, раскрывает определенные особенности на юго-востоке Турции в первой половине 1990-х годов и что недостатки, обнаруженные в

следственных действиях система, действовавшая в этом регионе, подорвала эффективность уголовно-правовой защиты в этот период. Эта практика допускала или способствовала отсутствию ответственности сотрудников сил безопасности за свои действия, что несовместимо с верховенством закона в демократическом обществе, уважающим основные права и свободы, гарантированные Конвенцией (см. *Bilgin v. Turkey*, no. 23819/94, § 119, 16 ноября 2000 г.).

204. Обращаясь к конкретным обстоятельствам дела, Суд отмечает, что заявитель подал жалобы в различные органы власти вскоре после уничтожения его дома и имущества в Далезери. Хотя заявитель в своих ходатайствах прежде всего беспокоился об исчезновении своих сыновей, он подробно указал властям, что его деревня была сожжена в ходе военной операции, проводившейся 18 мая 1994 г. (см. пункт 36 выше).

205. Однако ответы, данные заявителю, ограничивались его информированием о том, что силы безопасности не проводили никаких операций в этот день в регионе (см. §§ 38 и 59 настоящего Постановления). Суд находит поразительным, что, прежде чем дать быстрые ответы заявителю, власти не предприняли никаких попыток допросить сотрудников сил безопасности в ходе их расследования, несмотря на то, что заявитель жаловался, что военнослужащие были виновниками нападения. сожжение его деревни. Кроме того, помимо заявлений, полученных от заявителя, не представляется, что была предпринята какая-либо попытка установить истину путем допроса других жителей села, которые могли быть свидетелями оспариваемых инцидентов. Более того, власти не рассматривали возможность посещения места происшествия для проверки утверждений заявителя. Скорее, они были довольны тем, что опирались на информацию, предоставленную службами безопасности, чтобы сформировать свое заключение (см. пункты 32, 43 и 54 выше).

206. В связи с этим следует отметить, что Европейский Суд постоянно обнаруживал общее нежелание властей признать, что подобная практика со стороны сотрудников сил безопасности имела место (см. вышеупомянутые постановления *Selçuk and Asker*, § 68, Орхан, § 394; *Йойлер*, § 92). Действительно, показания, данные командирами жандармерии в настоящем деле, подтверждают предыдущие выводы Суда (см. § 138 настоящего Постановления).

207. Наконец, следует отметить, что на 21 июня 1995 г., юрисдикция в отношении расследования была передана Административному совету Личе, который решил не давать разрешение на судебное преследование сотрудников сил безопасности (см. пункт 55 выше). Однако он напоминает, что Суд уже установил в ряде дел, что расследование, проводимое этим органом, нельзя считать независимым, поскольку в его состав входят государственные

служащие, иерархически зависимые от губернатора, а исполнительное должностное лицо связано расследуемым силам безопасности (см. Güleç против Турции, № 21593/93, § 80, ECHR, Reports 1998-IV; и Yöyler, § 93, упомянутое выше).

208. В этих обстоятельствах нельзя сказать, что власти провели тщательное и эффективное расследование утверждений заявителя об уничтожении его имущества в Далезери.

209. Таким образом, Суд заключает, что не было доступных эффективных средств правовой защиты в отношении исчезновения и предполагаемой смерти сыновей заявительницы и уничтожения имущества заявительницы в деревне Далезери. Соответственно, имело место нарушение статьи 13 Конвенции в совокупности со статьями 2, 3 и 5 Конвенции и статьей 1 Протокола № 1.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 В СОЧЕТАНИИ СО СТАТЬЯМИ 2, 3 И 5 КОНВЕНЦИИ И СТАТЬЕЙ 1 ПРОТОКОЛА № 1

210. Заявитель жаловался, что он и его сыновья подверглись дискриминации на основании их курдского происхождения в нарушение статьи 14 Конвенции, которая гласит:

«Осуществление прав и свобод, изложенных в [Конвенции], должно обеспечиваться без дискриминации по любому признаку, такому как пол, раса, цвет кожи, язык, религия, политические или иные убеждения, национальное или социальное происхождение, принадлежность к национальному меньшинству. , собственности, рождения или иного статуса».

211. Заявитель утверждал, что существовала административная практика дискриминации по признаку расы и этнического происхождения в отношении всех подобных вопросов.

212. Правительство не рассматривало эти вопросы, кроме отрицания фактической основы жалоб по существу.

213. Суд рассмотрел утверждение заявителя. Однако он считает, что никакое нарушение этого положения не может быть установлено на основании имеющихся у него доказательств.

VIII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 18 КОНВЕНЦИИ

214. Заявитель утверждал, что упомянутое выше вмешательство в осуществление им и его сыновьями конвенционных прав не было направлено на достижение целей, разрешенных Конвенцией. Он ссылаясь на статью 18 Конвенции, которая предусматривает:

«Ограничения, разрешенные Конвенцией в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для каких-либо иных целей, кроме тех, для которых они были предписаны».

215. Правительство не прокомментировало эту жалобу.

216. Суд считает, что нарушение этого положения не может быть установлено на основании имеющихся у него доказательств.

IX. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

217. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд установит, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, и если внутреннее право заинтересованной Высокой Договаривающейся Стороны допускает лишь частичное возмещение, Суд, в случае необходимости, предоставляет справедливое удовлетворение пострадавшая сторона».

218. Заявитель потребовал 141 529,01 фунта стерлингов в качестве возмещения своего материального ущерба, вызванного предполагаемой смертью двух его сыновей и уничтожением его имущества. Он также потребовал 50 000 фунтов стерлингов в качестве компенсации морального вреда. Наконец, также было запрошено возмещение судебных издержек и издержек в размере 27 635,08 фунтов стерлингов.

219. Правительство утверждало, что заявителю не должна быть выплачена справедливая компенсация, поскольку не было нарушения Конвенции. В качестве альтернативы они утверждали, что, если Суд установит нарушение какого-либо из положений Конвенции, суммы, требуемые заявителем, будут спекулятивными и не будут отражать экономические реалии региона.

A. Материальный ущерб

220. Заявитель требовал компенсации материального ущерба, понесенного им в связи со смертью его сыновей и уничтожением его имущества в деревне Дахлезери.

1. Материальные убытки, вытекающие из исчезновения и предполагаемой смерти сыновей заявительницы

221. Заявитель требовал в общей сложности 106 393,08 фунта стерлингов в качестве компенсации потери дохода в отношении двух его сыновей, Икрама и Сервета Ипек, ответственность за смерть которых несет Правительство. Он пояснил, что каждый из его сыновей, которым на момент инцидента было соответственно 19 и 15 лет, работал на стройках и каждый из них зарабатывал около 2 343,46 фунтов стерлингов в год. Заявитель также отметил, что, поскольку средняя продолжительность жизни турецких мужчин составляет 65,1 года, ожидаемый пенсионный возраст его сыновей можно принять равным 65 годам. Кроме того, Икрам Ипек был женат, но в то время не имел детей. При расчете вышеуказанных сумм заявитель опирался на Актуарные таблицы Огдена, которые используются для расчета телесных повреждений и несчастных случаев со смертельным исходом в Великобритании. Он рассудил, что в отсутствие турецкого эквивалента и во избежание осложнений, вызванных высоким уровнем инфляции в Турция, эти таблицы были профессионально обоснованным методом расчета.

222. Правительство утверждало, что не было четкой связи между ущербом, заявленным заявителем, и предполагаемым нарушением Конвенции. Таким образом, заявителю не должна быть присуждена какая-либо компенсация в отношении его утверждений.

223. Суд повторяет, что должна существовать причинно-следственная связь между ущербом, заявленным заявителем, и нарушением Конвенции, и что это может, в соответствующем случае, включать компенсацию в отношении потери заработка (см., среди прочего, Barberà, Messegue и решение по делу Джабардо против Испании от 13 июня 1994 г. (статья 50), Серия А, № 285-С, стр. 5758, §§ 16-20, упомянутое выше решение по делу Чакиджи против Турции, § 127). Суд установил, что сыновья заявительницы исчезли после непризнанного задержания и что ответственность государства наступила в соответствии со статьями 2 и 5 Конвенции (см. пункты 168 и 191 выше). В таких обстоятельствах

224. Принимая во внимание подробные актуарные заявления заявителя и расчеты прошлых и будущих доходов его сыновей и вынося решения на справедливой основе (см. вышеупомянутые решения Чичека и Орхана, § 201 и § 434 соответственно), Суд присуждает сумму в размере 7 000 евро («евро») на каждого из сыновей заявителя, и эта сумма должна быть удержана заявителем в отношении наследников его сыновей.

2. Материальные убытки, вытекающие из уничтожения дома и имущества заявителя

225. Заявитель потребовал компенсацию за ущерб, который он понес в связи с уничтожением его семейного дома и домашнего имущества, а также убийством его животных. Он также потребовал возмещения упущенной выгоды и расходов, понесенных в связи с поиском альтернативного жилья.

226. Правительство утверждало, что заявителю не должна быть присуждена какая-либо компенсация, поскольку он не обосновал свои требования.

227. Суд установил, что семья заявителя, дом и имущество были преднамеренно уничтожены силами безопасности. Таким образом, необходимо присудить компенсацию материального ущерба, понесенного заявителем. Однако, принимая во внимание неспособность заявителя обосновать свои претензии в отношении количества и стоимости утраченного им имущества со ссылкой на какие-либо документальные доказательства и в отсутствие каких-либо независимых доказательств в отношении размера хозяйства и поголовья скота и доход заявителя от этого, Суд произведет свою оценку, по необходимости, на основе принципов справедливости (см. Билгин, § 140; Дулаш, § 86; Сельчук и Аскер, § 106; и Йойлер, § 106; решения, упомянутые выше).

(а) Дом и другое имущество

228. Заявитель потребовал компенсацию в отношении дома, который он оценил в 23 000 000 000 турецких лир («турецких лир»), ста тридцати пяти животных (тридцать овец, 80 коз, 15 коров и 20 кур) оценочной стоимостью 25 810 000 000 турецких лир, домашнее имущество (кухонные принадлежности, шторы, двенадцать матрасов, сто килограммов масла и сто литров молока) заявленной стоимостью 10 250 000 000 турецких лир и один грузовик дров на сумму 150 000 000 турецких лир.

229. В отсутствие каких-либо независимых и решающих доказательств и при проведении оценки на основе справедливости Суд присуждает сумму в размере 15 000 евро в отношении разрушенного здания и другого имущества.

(б) Потеря дохода

230. Заявитель потребовал сумму в размере 5 272,74 фунта стерлингов в качестве компенсации за потерю дохода от ведения сельского хозяйства с 1994 года.

231. В отсутствие независимых доказательств размера земельных владений заявителя и доходов, полученных от них, и с учетом соображений справедливости Суд присуждает по этому пункту сумму в размере 9 000 евро.

(с) Альтернативное размещение

232. Заявитель потребовал возмещения 6 735,11 фунтов стерлингов в отношении его расходов на аренду, воду, электричество и телефон в течение девяти лет.

233. При отсутствии какого-либо обоснования этой части требования заявителя и с учетом соображений справедливости Суд присуждает заявителю компенсацию расходов на альтернативное жилье в размере 5 400 евро.

3. Краткое содержание

234. Следовательно, в отношении уничтожения имущества заявителя Суд присуждает общую сумму в размере 29 400 евро в качестве компенсации материального ущерба. Он также присуждает заявителю общую сумму в 14 000 евро, подлежащую удержанию для наследников его сыновей, в качестве компенсации материального ущерба в результате нарушений Конвенции, к которым привела предполагаемая смерть его сыновей. Эти суммы в размере 43 400 евро должны быть конвертированы в турецкие лиры по курсу, действующему на дату расчета.

Б. Моральный вред

235. Заявитель потребовал 50 000 фунтов стерлингов в качестве компенсации морального вреда. В этой связи он сослался на многочисленные и серьезные нарушения Конвенции, причинившие ему мучения и страдания.

236. Правительство оспаривало фактическую основу этих утверждений и утверждало, что не существует причинно-следственной связи между заявленным ущербом и предполагаемыми нарушениями Конвенции. Поэтому они просили Суд не удовлетворять требования заявителя.

237. Суд установил нарушение статей 2, 5 и 13 Конвенции в связи с непризнанным задержанием и предполагаемой гибелью сыновей заявителей от рук силовиков (см. пункты 168, 191 и 201 выше). Соответственно, он считает, что присуждение компенсации должно быть произведено в пользу братьев Ипек, учитывая серьезность рассматриваемых нарушений. Таким образом, Суд присуждает сумму в размере 10 000 евро каждому в отношении Икрама и Сервета Ипека, причем эти суммы принадлежат заявителю для наследников его сыновей и должны быть конвертированы в турецкие лиры по курсу, действовавшему на дату выплаты.

238. Кроме того, было установлено, что страдания и муки, перенесенные заявителем в связи с исчезновением его сыновей, и то, как власти отреагировали на его жалобы, представляют собой нарушение статей 3 и 13 в отношении заявителя (см. пункты 183 настоящего Постановления). и 201 выше). В связи с этим Суд считает, что присуждение компенсации в его пользу также является оправданным (см. вышеупомянутые постановления по делу Чичека, § 205; и Орхана, § 443). Соответственно, он присуждает заявителю сумму в размере 8 000 евро, подлежащую конвертации в турецкие лиры по курсу, действовавшему на дату платежа.

239. Суд также установил, что уничтожение дома и имущества заявителя представляет собой серьезное нарушение статьи 13 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 (см. пункты 195 и 209 выше). Таким образом, он присуждает заявителю сумму в размере 7 000 евро, подлежащую конвертации в турецкие лиры по курсу, действовавшему на дату платежа.

С. Затраты и расходы

240. Заявитель требовал в общей сложности 27 635,08 фунтов стерлингов в качестве оплаты гонораров и расходов при представлении своего дела в учреждениях Конвенции. Сюда входят административные расходы, понесенные в период с декабря 1999 г. по декабрь 2002 г. (1) его представителями в Великобритании профессором Уильямом Боурингом (500 фунтов стерлингов за 5 часов работы) (2) г-ном Керимом Йылдызом, г-ном Филипом Личем, г-жой Анке Сток и другими, прикрепленными к Курдский проект по правам человека в Лондоне (6 149,99 фунтов стерлингов за 61 час юридической работы и 858,33 фунтов стерлингов за переводы и резюме с английского на турецкий и с турецкого на английский); и (3) в отношении таких расходов, как телефонные звонки, почтовые расходы, фотокопирование и канцелярские принадлежности (285 фунтов стерлингов). Заявитель также требовал 6000 фунтов стерлингов за шестьдесят часов работы, выполненных с декабря 1994 года по декабрь 1999 года.

241. Правительство утверждало, что требования о возмещении расходов и сборов были чрезмерными и необоснованными. Они утверждали, что заявитель не представил ни квитанции, ни какого-либо другого документа, подтверждающего его утверждения.

242. Суд повторяет, что возмещению в соответствии со статьей 41 Конвенции подлежат только необходимые и фактически понесенные судебные издержки и расходы. Кроме того, заявленные суммы должны быть разумными в количественном отношении. В этой связи он отмечает, что настоящее дело связано со сложными вопросами фактов

и права, требующими подробного изучения, включая получение показаний от свидетелей в Анкаре. Тем не менее, Суд не удовлетворен тем, что в настоящем деле все издержки и расходы были обязательно и фактически понесены. Он отмечает, что не было представлено никаких подробностей в отношении гонораров, предположительно понесенных в период с декабря 1994 г. по декабрь 1999 г. Кроме того, что касается работы, выполненной с декабря 1999 г. по декабрь 2002 г., он считает чрезмерным общее количество часов юридической работы (126 часов) заявлено. Он считает, что не было доказано, что все эти судебные издержки были необходимо и разумно понесены. Наконец, Суд считает, что претензии в отношении переводов, резюме и административных расходов могут рассматриваться как необходимые и фактически понесенные.

243. В свете вышеизложенного Суд присуждает сумму в размере 13 130 евро без учета любого налога на добавленную стоимость, который может подлежать начислению, и за вычетом суммы в размере 1 050 евро, полученной в качестве юридической помощи от Совета Европы, эта сумма должна быть конвертирована в фунты стерлингов. фунтов стерлингов и переведены на банковский счет представителя заявителя в Соединенном Королевстве, как указано в его требовании о справедливой компенсации.

D. Проценты за неуплату

244. Суд считает целесообразным, чтобы проценты по умолчанию основывались на предельной кредитной ставке Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. Постановил, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в связи с предполагаемой смертью двух сыновей заявительницы;
2. *Держит* что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в связи с непроведением национальными властями надлежащего и эффективного расследования исчезновения двух сыновей заявительницы и их последующей предполагаемой смерти;
3. Постановил, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявителя;

4. Постановил, что имело место нарушение статьи 5 Конвенции в отношении двух сыновей заявительницы;
5. Постановил, что имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в отношении заявителя;
6. Постановил, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции в совокупности со статьями 2, 3 и 5 Конвенции вместе со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции в отношении заявителя и двух его сыновей;
7. Постановил, что не было нарушения статьи 14 Конвенции в совокупности со статьями 2, 3 и 5 Конвенции вместе со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции в отношении заявителя и двух его сыновей;
8. Постановил, что нарушения статьи 18 Конвенции не было;
9. Постановил, что Правительство не выполнило своих обязательств по статье 38 § 1 (а) Конвенции;
10. Удерживает
 - (а) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с даты, когда решение станет окончательным в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, следующие суммы, подлежащие конвертации в национальную валюту государства-ответчика: по курсу, действующему на дату расчета, и подлежащему перечислению на банковский счет заявителя в Турции:
 - (i) 7 000 евро (семь тысяч евро) на каждого из сыновей заявителя в качестве компенсации материального ущерба, которая должна быть удержана заявителем за наследников двух его сыновей;
 - (ii) 29 400 евро (двадцать девять тысяч четыреста евро) в качестве компенсации материального ущерба заявителю;
 - (iii) 15 000 евро (пятнадцать тысяч евро) в качестве компенсации морального вреда заявителю;
 - (б) что с истечения вышеупомянутых трех месяцев до выплаты простых процентов на вышеуказанные суммы будут выплачиваться по ставке, равной предельной кредитной ставке Европейского центрального банка в течение периода неисполнения плюс три процентных пункта;
11. Держит

(а) что государство-ответчик должно выплатить представителям заявителя в течение трех месяцев с даты, когда решение станет окончательным в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, 13 130 евро (тринадцать тысяч сто тридцать евро) в отношении расходов и издержек, исключая любой налог на добавленную стоимость, который может взиматься, за вычетом 1050 евро (одна тысяча пятьдесят евро), предоставленных в качестве юридической помощи, которые должны быть конвертированы в фунты стерлингов по курсу, действующему на дату расчета, и выплачивается на банковский счет представителей в фунтах стерлингов в Соединенном Королевстве;

(b) что с истечения вышеупомянутых трех месяцев до выплаты простых процентов на вышеуказанные суммы будут выплачиваться по ставке, равной предельной кредитной ставке Европейского центрального банка в течение периода неисполнения плюс три процентных пункта;

12. Отклоняет остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке и уведомлено в письменной форме 17 февраля 2004 г., в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

ТЛ РАНО
Заместитель Секретаря

Ж.-П.КОСТА
президент